

ДЖУЛИЯ ШЭДОУ

ЦЕНА ЧУЖОЙ ЖИЗНИ

18+

Джулия Шэдоу

**Оковы Резонанса.
Цена чужой жизни**

«Автор»

2026

Шэдоу Д.

Оковы Резонанса. Цена чужой жизни / Д. Шэдоу — «Автор»,
2026

Основанный магами Резонанса университет Веритас давно перестал им принадлежать. Теперь здесь действуют законы обычных людей, а за безупречной репутацией скрываются заговоры и тайные исследования. Элиана родилась с редким, опасным даром, за которым охотятся. Ей велено быть незаметной и отказаться от мечты лечить. Она почти смирилась с этим, поступив на выбранный родителями юрфак, пока не переступила порог медицинского корпуса. В него закрыт вход таким, как она. Но именно там Элиана встречает обаятельного Маркуса, который приоткрывает дверь к её мечте, давая доступ к запретным знаниям. Они из разных миров, но он становится единственным, рядом с кем можно не притворяться. Но чем дальше, чем сложнее понять, кому здесь можно доверять. В университете пропадают студенты, и Элиана не может остаться в стороне. Каждый выбор в поисках истины приближает её к собственной тьме, и тем страшнее звучит вопрос: не станет ли она похожей на тех, с кем борется?

© Шэдоу Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Оковы Резонанса. Цена чужой жизни	6
Пролог	7
Глава 1. Нарушенное обещание	11
Глава 2. Равенство	17
Глава 3. Комната в башне	22
Глава 4. В один голос	27
Глава 5. На своих условиях	33
Глава 6. Расписание	39
Глава 7. Особая забота	44
Глава 8. На грани	50
Глава 9. Приглашение	57
Глава 10. Фальшивая нота	62
Глава 11. Споры	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Джулия Шэдоу

Оковы Резонанса. Цена чужой жизни

Аннотация

Основанный магами Резонанса университет Веритас давно перестал им принадлежать. Теперь здесь действуют законы обычных людей, а за безупречной репутацией скрываются заговоры и тайные исследования.

Элиана родилась с редким, опасным даром, за которым охотятся. Ей велено быть незаметной и отказаться от мечты лечить. Она почти смирилась с этим, поступив на выбранный родителями юрфак, пока не переступила порог медицинского корпуса. В него закрыт вход таким, как она. Но именно там Элиана встречает обаятельного Маркуса, который приоткрывает дверь к её мечте, давая доступ к запретным знаниям.

Они из разных миров, но он становится единственным, рядом с кем можно не притворяться.

Но чем дальше, чем сложнее понять, кому здесь можно доверять. В университете пропадают студенты, и Элиана не может остаться в стороне. Каждый выбор в поисках истины приближает её к собственной тьме, и тем страшнее звучит вопрос: не станет ли она похожей на тех, с кем борется?

Оковы Резонанса. Цена чужой жизни

#От Автора#

Это первая книга цикла.

Она довольно мрачная, но в то же время красивая и романтическая. Здесь поднимаются непростые темы, а герои совершают ошибки. Но в первую очередь мои истории всегда о любви и надежде, и эта не исключение.

Отношения между героями развиваются медленно, однако искры и напряжение не заставят себя ждать.

Здесь вы найдете:

- ◆ Закрытую главную героиню, скрывающую силу и уязвимость
- ◆ Очаровательного героя, но со своими травмами и секретами
- ◆ Магнетизм и химию, от которых мурашки
- ◆ Настоящую дружбу
- ◆ Первые зарождающиеся чувства и нежную романтику
- ◆ Эстетичную атмосферу дарк академии на контрасте с технологиями и современностью
- ◆ Мир, где магия под контролем
- ◆ Моральные дилеммы без верных ответов
- ◆ Мрачные тайны, которые опасно раскрывать.

Приятного чтения!

Телеграм канал автора, где можно найти больше иллюстраций: Джулия Шэдоу ● Голос из тени

Пролог

Наушники надёжно заглушали звуки улицы и создавали иллюзию вакуума, оставляя Элиану наедине с музыкой. Она так часто отгораживалась от мира вместо того, чтобы взаимодействовать с ним, что это стало привычкой.

Ведь если не смотреть по сторонам, можно было представить, что она просто Константа — девушка без особого дара, готовящаяся к поступлению в университет, а не та, кто может убить или вылечить одним прикосновением.

Элиана давно поняла, что должна научиться не пропускать через себя чужие беды, иначе однажды уничтожит себя физически — в попытке спасти чужую жизнь, либо морально — осознанием, что могла помочь, но не сделала этого.

Вечерний город растворялся где-то на фоне, и боковое зрение ловило только размытые пятна от фонарей и горящих окон домов. Эта улица почти всегда пустовала в такое время. Оставалось пройти всего пару кварталов, прежде чем она перейдёт в узкую просёлочную дорогу, в конце которой расположился их дом. Семье Таллисов идеально подходила уединённая жизнь на отшибе за глухим, высоким забором.

Редкие машины проезжали мимо, и сигнальные огни исчезали за поворотом так же быстро, как и появлялись. Элиана прибавила громкость, и басы приятно завибрировали где-то в горле. Мелодия уносила в другие миры, и шаги подстроились под ритм.

Светофор на ближайшем перекрёстке переключился на зелёный для пешеходов, но дорога оставалась безлюдной, пока из-за поворота не вылетел автомобиль. Одновременно с этим к переходу подъехал мальчик на самокате. Увидев зелёный свет, он слез на землю и выбежал на проезжую часть.

Элиана не видела ничего из этого, глядя куда-то себе под ноги, но короткий, как хлопок ладоней, звук удара прорвался сквозь музыку. Когда она повернула голову, чёрный седан резко рванул вперёд и уже почти скрылся за поворотом. Через мгновение красный шлейф габаритных огней растворился в темноте, будто его здесь и не было.

Мальчик лежал на переходе в неестественной позе, напоминая поломанную и брошенную игрушку, искорёженный самокат валялся рядом.

Жизнерадостная ритмичная музыка в наушниках продолжала играть, звуча теперь как издёвка. Элиана стянула их резким движением, и пронзительная тишина улицы обрушилась на неё, заполняя уши давящим гулом, в котором собственное дыхание казалось оглушительно громким.

Мальчику было около десяти. Его руки раскинулись в стороны, а волосы спутались. Пятно крови под головой расплзлось по асфальту, грудная клетка неестественно провалилась внутрь, и с каждым вдохом оттуда вырывался влажный хрип.

Элиана упала рядом на колени, не заботясь о том, что светлые брюки и подол твидового пальто мгновенно пропитались грязью.

— Эй, — тихо позвала она, касаясь его плеча. — Слышишь меня?

Дрожащими пальцами разблокировала экран телефона и позвонила в скорую, найдя адрес на ближайшем доме. Слова застревали в горле, сведённом от волнения судорогой.

Ответ оператора был коротким и неутешительным. Скорая приедет через десять минут, в лучшем случае — через семь. Впрочем, это было не так уж и важно. Они бы всё равно не успели.

Элиана посмотрела на свои руки, окрашенные чужой кровью, и сглотнула накопившуюся во рту слюну.

Она клялась матери, что не будет использовать способности и подвергать себя опасности.

Мальчик затих, его грудная клетка перестала двигаться. В голове вспыхнула холодная, злая мысль: если бы можно было вернуть назад этого ублюдка, сбившего ребёнка и скрывшегося с места аварии, она бы не колебалась.

В двенадцать лет она уже делала это... Почти убила мальчишку, который напал на её хрупкую, трепетную подругу Розы. Тогда её остановили. Потом начались утомительные часы разговоров. Мама была в ужасе от того, что у Элианы открылся дар её покойной бабушки, передающийся через поколения. В тревоге, что история повторится, она едва не забрала дочь на домашнее обучение, желая оградить от всего на свете. Отец был мягче, пытаясь объяснить правила мира, в котором они живут. Говорил, что особенным лучше держаться в тени. Что Проводники редки, и их отслеживают, а закон запрещает использовать дар против Констант и не прощает Резонансам ошибок.

Сейчас она бы повторила. И легко обменяла бы жизнь убийцы на жизнь его жертвы, ведь это казалось справедливым. Но водитель исчез, и забирать энергию было не у кого — только отдать свою.

Элиана замерла на долю секунды. Ровно столько потребовалось, чтобы решить, кем она будет сегодня.

Мальчик уже почти не дышал, жизнь в нём стремительно угасала. Элиана закрыла глаза и положила ладонь на его грудь чуть выше раны, и окружающий мир сжался до точки соприкосновения.

В теле каждого человека текли энергетические потоки, которые можно было считывать и перенаправлять, если вступить с ними в резонанс. Они оставались невидимыми для глаз обычных людей, но не для Элианы. Она ощущала их отчётливо, как подземные реки. Энергия этого мальчика сейчас была тусклой и прерывающейся, словно мерцающая лампочка, что вот-вот перегорит.

Чтобы помочь ему, ей требовалось убрать внутренние барьеры и войти в особое состояние, похожее на медитацию, что казалось в тот момент почти нереальным. Элиана сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь сконцентрироваться, но её рука на умирающем теле мальчика дрожала, а по виску стекла капля пота.

Она стиснула зубы и направила поток энергии от своего солнечного сплетения по руке в ладонь, а оттуда в грудь ребёнка.

Рана была слишком тяжёлой, и она не могла вылечить его полностью, не пожертвовав при этом собой. Оставалось только попытаться удержать в нём жизнь до приезда скорой.

Энергия текла из её ладони в его грудь, и тусклое, обрывающееся мерцание начало понемногу выравниваться. Грудная клетка дрогнула, а потом снова начала мерно двигаться. Именно тогда жгучая боль пронзила саму Элиану. Сердце сдавило, словно его стиснули в кулаке, перед глазами поплыли чёрные круги, а во рту появился металлический привкус. По правилам Резонанса это был честный обмен: энергию для исцеления Проводник брал у себя или кого-то ещё. Третьего тут было не дано. И сейчас её тело сжигало себя изнутри, чтобы помочь мальчишке.

— Дыши, дыши, дыши... — прошептала она, сама не зная, кому именно — себе или ему. Нос обожгло, и тёплая струйка потекла по губе, но вытирать её Элиана не стала.

Прошло ещё несколько секунд, прежде чем она отчётливо осознала, что не может продолжать дальше, иначе отдаст свою жизнь до последней капли. Или потеряет сознание, оставшись лежать здесь без чувств, и уже завтра окажется в Управлении. Ещё неизвестно, что из этого хуже.

Отдёрнув руку, Элиана вышла из резонанса с мальчишкой.

Энергетический канал закрылся, и улица снова обрела чёткость. Свет фонарей, казавшийся сейчас болезненно ярким, слепил глаза.

Раны мальчика всё ещё оставались тяжёлыми, но по крайней мере он дышал ровно. Где-то вдалеке завывала сирена, и теперь Элиана была уверена, что он дожждётся скорой.

Она повалилась на асфальт, хватая ртом воздух. Грудь горела огнём, из носа лилась горячая, густая кровь, алыми кляксами пачкая её твидовое пальто. Цена за нарушение законов природы...

Сирена неумолимо приближалась. Это давало надежду, что мальчик выживет, но Элиана не могла здесь оставаться. Нельзя, чтобы её увидели и узнали о даре, ведь за Проводниками охотятся сильнее, чем за преступниками.

Она заставила себя подняться. Адреналин вёл вперёд, и ватные ноги сделали шаг назад, потом ещё и ещё. Земля плыла, а каждое движение отдавалось болью в груди и затылке. Однако она смогла дойти до поворота и только тогда позволила себе привалиться к шершавому стволу дерева в сквере. Кора больно ободрала щёку, оставив на коже красноватый след.

Дышать получалось только урывками, ведь малейшая попытка втянуть больше воздуха отдавалась в груди битым стеклом.

Силы покинули её окончательно, колени подкашивались. Элиана сделала последний шаг и рухнула на ближайшую скамейку, сильно ударившись бедром о деревянный край.

Тонкое пальто насквозь пропиталось влагой, которая теперь холодила спину.

Где-то позади хлопнула дверь реанимобиля.

Попытка сглотнуть закончилась кашлем. Жёлтый фонарь над головой замерцал, дробясь на золотистые блики. Сверху светила большая луна, криво спрятанная за облаком так, будто кто-то надкусил её с одного края и оставил истекать холодным светом на крыши. Элиана моргнула, надеясь прогнать мушки перед глазами, но их становилось только больше. Веки сами собой опустились, и она погрузилась в темноту.

Иллюстрация к главе:

Глава 1. Нарушенное обещание

Глава 1 НАРУШЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Элиане нравилось дрейфовать в этой темноте. Здесь не было ни боли, ни необходимости делать выбор. Казалось, что она плывёт на лодке по озеру, закрыв глаза и наслаждаясь бликами под сомкнутыми веками. Однако ощущения из реального мира постепенно стали возвращаться.

Противное попискивание, непрошено ворвавшееся в сон, первым начало разрушать его. Лёгкий ветер коснулся кожи, принёсся запах хлорки, антисептика и цветов — видимо, с весенней улицы.

Элиана попыталась сглотнуть, и в горле зашипало, будто там застрял кактус. Пальцы левой руки дрогнули, нащупывая поверхность. Накрахмаленные простыни ощущались колючими и жёсткими. Попытка открыть глаза не принесла успеха: веки не слушались, словно бы залитые воском.

Она напряглась, чтобы заставить мышцы работать, но тут же зажмурилась от яркого света, и пульсирующие красные пятна вернулись снова.

Лишь через несколько секунд Элиана решилась попробовать снова, в этот раз осторожнее. Так она поняла, что, по всей видимости, находится в больничной палате. Через окно с наполовину закрытыми жалюзи пробивались косые полосы утреннего света. За ним росла огромная сакура, покрытая множеством розовых соцветий, походившая на пушистое облако. Именно её аромат проникал в помещение, перебивая запах больницы.

Капельница тянулась от штатива к сгибу локтя прозрачной трубкой, а в пакете над головой покачивался физраствор.

Дверь открылась без стука, и в проёме показалась крупная женщина с усталым лицом и собранными в пучок волосами. За ней, почти вплотную, шёл невысокий мужчина в очках и белом халате, недоумённо листающий планшет.

— Проснулась, — констатировала медсестра.

Врач вышел из-за её спины и окинул Элиану внимательным взглядом.

— Как вы себя чувствуете?

— Замечательно, — хрипло отозвалась она. От попытки заговорить горло разболелось ещё сильнее. Его словно бы царапали наждачной бумагой при каждом слове. — Будто меня переехал грузовик.

Он присел на край стула, положил планшет на колено и сцепил пальцы.

— Вот об этом я и хотел поговорить. Вас нашли в сквере на Элмвуд-авеню без сознания. Скорую вызвал прохожий. Мы сделали полное обследование, — врач помолчал. В повисшей паузе можно было прочесть неозвученное вслух, но Элиана решила не надумывать раньше времени и дать ему договорить, прежде чем начать паниковать.

— Когда вас привезли, вы были на грани: давление едва определялось, пульс был нитевидным, а тело холодным. Такое может быть при тяжелейшем шоке на фоне массивной кровопотери или обезвоживания, но результаты обследований поставили меня в тупик. Я бы решил, что у вас было сильное кровотечение, но видимых следов травм нет, а все снимки чистые. При этом у вас критическое истощение на клеточном уровне, словно ваш организм выжиг сам себя изнутри.

Последняя фраза повисла в воздухе. Элиана почувствовала, как по позвоночнику пробежал холодок. Врач сказал это вскользь, как метафору, которую сам считал абсурдной, не подозревая, насколько близок был к истине.

Он замолчал, давая Элиане возможность прокомментировать, чем она не воспользовалась, чуть крепче сжав под одеялом край простыни.

Врач снял очки, протёр их полой халата и водрузил обратно, потом раскрыл планшет и повернул экран к ней, показывая снимки.

— Вот здесь, — он провёл пальцем по экрану, — микроразрывы капилляров в лёгких. Они возникают при запредельных перегрузках, когда организм отчаянно пытается компенсировать нехватку кислорода. А вот ваши анализы. Уровень клеточного АТФ упал так резко, словно ваши ткани начали поглощать сами себя, сжигая все резервы, чтобы поддержать работу сердца.

Врач убрал планшет и посмотрел с недоумением и подозрением одновременно:

— Я практикую двадцать три года и впервые вижу подобное. Официальная медицина не может объяснить ваше состояние, мисс Таллис. Возможно, вы сами сможете пролить свет на то, что случилось?

Элиана смотрела на экран, пытаясь придумать внятное оправдание, но потом решила, что это бесполезно, и проще изобразить неведение.

— Я... Я не знаю, — на выдохе произнесла она, стараясь звучать максимально искренне. — Помню, как сидела на скамейке, и мне стало плохо, а потом я очнулась здесь. Понятия не имею, что произошло...

Врач внимательно изучал её лицо, вслушиваясь в интонации, вглядываясь в глаза и микродвижения на лице и пытаясь выудить нестыковку. Под цепким взглядом Элиана чувствовала себя бабочкой, припильенной за стеклом.

— Вы не падали? Не теряли сознание до этого случая? Может быть, страдаете эпилепсией?

Она покачала головой:

— Нет, ничего такого. Только слабость... Наверное, из-за учёбы. Я готовилась к экзаменам и толком не спала.

— В вашей идентификационной карте указано, что вы Резонат. А именно — Виталист-диагност. Поэтому не могу не спросить: произошедшее может быть связано с вашими способностями?

Элиана ждала этого вопроса, поэтому ложь далась легко. Она отрицательно покачала головой:

— Нет, не думаю...

— Хорошо, — медленно произнёс врач, снова снял очки и принялся слишком тщательно тереть их тканью халата, словно чистые линзы могли помочь ему яснее увидеть ситуацию. — Я попрошу вас не вставать без сопровождения, пока мы не разберёмся, что с вами. И... — в его взгляде промелькнула усталость, — пожалуйста, сообщите, если вспомните что-то необычное.

Элиана кивнула. Врач с медсестрой покинули палату. Оставшись одна, она повернула голову к окну. Сквозь жалюзи было видно розовое облако вишнёвого дерева, слишком красивого для этого места, и кусок бледно-голубого неба. Лепестки слетали вниз цветочным дождём.

Мальчик с перекрёстка, возможно, лежал где-то в этой же больнице. Вероятно, он уже проснулся и теперь ел больничный завтрак, жалуясь маме на невкусную овсянку. А та даже не подозревала, что несколько часов назад сердце её сына уже не билось, и чужая рука вытаскивала его из небытия.

Элиана зажмурилась и почувствовала, как щиплет под веками.

В следующий раз, когда она открыла глаза, за окном стужались сумерки. Шея затекла, от сухости во рту язык прилип к нёбу. Элиана скосила глаза на тумбочку. Графин с водой стоял ровно в метре, но даже мысль о том, чтобы протянуть руку, казалась невозможной.

— Не вздумай, — раздался тихий, напряжённый голос. — У тебя капельница. Если дёрнешься, придётся звать медсестру, а она и так уже три раза заглядывала с очень любопытным лицом.

Элиана медленно и осторожно повернула голову, которая, казалось, вот-вот расколется. Ну конечно... В кресле у окна сидела мать.

Даже в больнице она выглядела безупречно. Каштановые волосы с лёгким медным оттенком, как и у самой Элианы, были уложены в аккуратный пучок, твидовый костюм песочного цвета сидел идеально, ноги в туфлях-лодочках были скрещены внизу, а руки сложены на коленях поверх сумки. Изабелла встала с кошачьей грацией, которая, как Элиана надеялась, перешла ей по наследству, и с совершенно непроницаемым лицом. Но она знала мать слишком хорошо, чтобы не заметить напряжения. Тёмно-алые губы были сжаты в тонкую линию, пальцы держали ремень сумки слишком сильно, а веки чуть припухли, выдавая бессонную ночь.

— Эли, — сказала Изабелла, и одно это слово вместило в себя столько всего, что Элиана непроизвольно отвела глаза. Облегчение, тревога, любовь и страх смешивались в глазах матери воедино, и отделить их друг от друга было невозможно. Вероятно, та и сама бы с этим не справилась...

Изабелла подошла к кровати, села на край стула, положила ладонь поверх руки дочери, замотанной в бинты, и коротко сжала.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она тихо.

— Жить буду, — отмахнулась Элиана с саркастичной усмешкой.

— А конкретнее? — мать нахмурилась, ответ явно её не устроил.

— Конкретнее посмотри в моей медицинской карте или спроси у врачей. Количество влитых в меня препаратов вряд ли позволит быть объективной, — парировала Элиана. Пристальный взгляд матери забирался под кожу, вынуждая неловко ёрзать под одеялом.

Изабелла выдержала паузу, в упор глядя на дочь, потом тяжело вздохнула и убрала руку.

Расстегнув сумку, она достала маленькую стеклянную бутылку. Открутила крышку и протянула Элиане, которая сделала маленький глоток.

— Это тоник по семейному рецепту, он ускорит твоё восстановление. Но лучше не пей слишком много, у врачей и так уйма вопросов, — предупредила мать. — По их словам, у тебя клеточное истощение, происхождение которого невозможно объяснить.

Изабелла передёрнула плечом, и стало понятно: она давно догадалась. Внутри вспыхнуло раздражение. К чему был весь этот цирк с вопросами, если мать и так всё знает?

— Элиана, посмотри на меня, — тихо попросила она. Пришлось послушаться. Янтарные глаза матери, так похожие на её собственные, были тёмнее обычного от сдерживаемого напряжения, став практически карими.

— Ты обещала. Дала слово, что не будешь использовать дар без крайней необходимости и подвергать себя опасности, — тон матери был спокойным и даже мягким, но перед глазами Элианы сразу встал разговор в гостиной много лет назад, когда она, стоя перед камином и прижав к груди подрагивающие руки, клялась никогда не использовать дар Проводника. Это обещание было дано после бесконечных, мучительных вечеров с объяснениями, что мир устроен несправедливо. Всех всё равно не спасти. И не наказать.

— Это была крайняя необходимость, — тихо отозвалась Элиана. Каждое слово давалось с трудом, но она заставила себя говорить. — Он умирал, мама. Мальчик лет десяти лежал на асфальте со вмятиной вместо груди и хрипел кровью. Скорая ехала десять минут. Ты хотела, чтобы я стояла и смотрела?

— Элиана...

— У него не было десяти минут. У него не было и пяти! — почти выкрикнула она и осеклась, понимая, что теряет самообладание. Изабелла слишком сильно сцепила пальцы на коленях.

— Вы сами меня так воспитали, — продолжила Элиана, чувствуя, как закипают жгучие слёзы обиды, но сдержала их. Она ненавидела плакать, особенно при матери. — Бабушка рассказывала притчу о целителе, который отказался помочь раненому, потому что боялся преследований, а потом всю жизнь пытался искупить вину. А папа часто говорил, что милосердие — это то, что отличает людей от зверей. А теперь ты говоришь, что я должна была отвернуться?

Изабелла долго молчала, потом резко выдохнула, словно держала воздух внутри с самого начала разговора.

— Мы с отцом гордимся тобой, — произнесла она тихо. — Слышишь? Гордимся, каким человеком ты выросла, и я не хочу, чтобы ты думала иначе.

— Тогда почему... — начала Элиана, но мать жестом остановила её.

— Потому что гордость не отменяет страха, — перебила Изабелла, её голос стал тише. — А реальность сложнее любых книг и абстрактных разговоров, — она замолчала, собираясь с мыслями, а когда заговорила снова, тон стал ещё жёстче и суше. — Ты должна понимать последствия своих действий. Нам позвонили в три часа ночи. Ты лежала в реанимации в состоянии, которое невозможно объяснить. Главный врач собирался вызвать Управление по делам Резонансов.

Элиана похолодела:

— Серьёзно?

— Абсолютно. Когда картина не соответствует ни одной известной болезни, протокол обязывает уведомить Управление. Это стандартная процедура, введенная после войны. Нам пришлось разговаривать с главврачом лично. Сегодня твой отец провёл в его кабинете больше часа, и мы сделали пожертвование на развитие нового крыла неотложной помощи. Достаточно щедрое, чтобы доктор Эндрюс не стал вызывать Управление.

Элиана сглотнула, во рту снова пересохло.

— Ты знаешь, что делают с Проводниками, если обнаруживают? — спросила Изабелла, и её голос опустился до шёпота, хотя они были одни.

— Угу, — буркнула Элиана себе под нос.

Мать сжала челюсть так сильно, что черты лица заострились.

— И это не говоря о том, — продолжила она тише, — что ты могла просто умереть. Ты отдавала свою энергию, Эли! Врач сказал, что когда тебя привезли, сердце уже едва билось.

— Но я не умерла. Я смогла вовремя остановиться! — прошептала Элиана, чувствуя, как к глазам всё же подступают обжигающие слёзы. Она отвернулась к окну. Солнце уже почти село, и сумерки окрашивали всё в ярко-синий.

— И я бы сделала это снова, — заявила она после небольшой паузы. Надрыв ушёл, голос стал тихим, но всё таким же упрямым. — Я бы просто не смогла жить дальше, зная, что позволила ребёнку умереть, когда в моих силах было его спасти.

— Именно поэтому, — сказала Изабелла медленно и неумолимо, взвешивая каждое слово, — я категорически против того, чтобы ты шла в медицинский. Мало того, что ради этого пришлось бы просить ректора Бьёрн нарушать внутренние правила, что само по себе нонсенс, так ещё и ты всегда будешь в опасности. Я больше не стану обсуждать это с тобой. Точка.

Изабелла подвела черту, и Элиана резко повернулась к ней:

— Мама...

— Нет, Элиана, выслушай. Я знаю, что ты хочешь стать врачом, потому что чувствуешь ответственность. У тебя есть дар, который может исцелять, и тебе кажется несправедливым, что ты не имеешь права его использовать. Но подумай, что произойдёт, если ты окажешься в операционной. Или в приёмном покое, куда привезут ребёнка с проломленным черепом. Или в палате, где человек умирает от рака, а ты знаешь, что можешь забрать болезнь, если найдёшь, у кого взять энергию... Ты не умеешь быть беспристрастной.

Элиана закусила губу. В горле застрял плотный и колючий комок, который было невозможно проглотить.

— А учитывая, что по закону Резонатам запрещена врачебная практика...

— Статья четырнадцать, пункт два, подпункт «а» Акта о Социальной Интеграции, — процитировала Элиана, сарказм в её голосе стал таким горьким, что ощущался на языке, — «Лица, зарегистрированные как Резонаты, не имеют права занимать должности в сфере государственного управления, здравоохранения, правоохранительных органов, а также любые позиции, предполагающие систематический физический контакт с гражданами категории Кон-станта». Я знаю Акт наизусть, как и все его пункты, поправки и лазейки. Но если мне нельзя использовать дар, я хочу хотя бы помогать людям обычными средствами. Без магии, просто как врач.

— Ты только что доказала, что «просто как врач» у тебя не получится, — спокойно, но непреклонно ответила Изабелла. — Ты не стала ждать скорую, а положила руку мальчику на грудь и отдала половину собственной жизни. Если такое случится в больнице, под камерами наблюдения, в присутствии коллег... Сколько продлится твоя карьера? Неделю? Месяц?

Элиана замолчала. Мать была права, и это жгло изнутри.

— Мам, но ведь бабушка Маргарет была целительницей. Она лечила людей, а не пряталась и молчала!

Тень, мелькнувшая на лице матери, исчезла так же быстро, как и появилась, но Элиана заметила, что на долю секунды она перестала контролировать маску. Тема покойной бабушки всегда вызывала трещину в её самообладании.

— Были другие времена, Эли. До войны. Но даже тогда это было опасно. Ты не хуже меня знаешь, чем всё закончилось.

Между ними медленно нарастало напряжение, будто давление под толщей воды. Следующие слова матери Элиана слышала сквозь стойкий статический шум в ушах:

— Ты пойдёшь на юридический. Нужно, чтобы ты наконец усвоила правила этого мира и законы, по которым он живёт. Моё решение окончательно, — подытожила та. — Если хочешь изменить систему, которая запрещает тебе быть тем, кем пожелаешь, начинай изнутри. Учи законы, находи их слабые места. Становись тем, кто пишет новые правила, а не нарушай существующие.

— Если бы это так работало, — пробурчала Элиана себе под нос, а потом добавила громче: — Если бы система менялась изнутри, её бы уже поменяли. Она для того и создана, чтобы перемалывать всех, кто пытается сопротивляться!

Изабелла ничего не ответила, сжав пальцы дочери в своих. За окном стало совсем темно, и вишнёвое дерево больше не походило на розовое облако, став размытым тёмным пятном, закрывающим луну.

— Мне пора. Поспи, — тихо сказала мать. — Завтра поговорим ещё.

Элиана откинулась на подушку и уставилась в окно.

Иллюстрация к главе:

Глава 2. Равенство

Глава 2 РАВЕНСТВО

Уговаривать мать оказалось бесполезно, и как прилежная дочь Элиана подала документы на юридический факультет. Седьмого сентября она упаковала свои вещи в два чемодана и села в машину к отцу Адриану Таллису. Изабелла помогала со сборами, но в день отъезда покинула дом ещё до рассвета, сославшись на важное рабочее совещание. Она никогда не любила долгие прощания.

Вчера они провели вместе весь вечер, и мать умоляла об осторожности. Элиана не спорила, пообещав, что больше не будет применять силу, что бы ни случилось, хоть и подозревала, что обещание снова будет нарушено.

Дорога заняла два часа, и большая часть пути прошла в молчании. Они слушали горячо любимый отцом джаз, и только на последнем повороте он негромко произнёс:

— Если хочешь, я зайду с тобой к ректору. Она училась на курс младше, вместе с твоей матерью. Кто бы мог подумать, что именно Эмилия займёт эту должность.

— Нет, — Элиана покачала головой. — Не надо, я уже не маленькая. Не будь, пожалуйста, как мама.

Отец улыбнулся уголком рта и ничего не ответил.

Кованые ворота Университета Веритас возвышались над подъездной аллеей. Он был основан Резонатами много лет назад, когда они ещё называли себя просто «маги». Однако после войны и введения «Стратегии интеграции» его реформировали и объединили с учебным заведением для Констант, с корнем выкорчевав остатки бывшего наследия, оставив взамен лишь оболочку.

Машина свернула на гостевую парковку, и колёса тихо захрустели по гравию. Адриан заглушил двигатель, но выходить не спешил. Он смотрел в лобовое стекло, и Элиана проследовала за его взглядом.

Прямо перед капотом, отделённый от парковочных мест низкой декоративной оградой, стоял старый дуб. Его крона нависала над крышами машин, листья сыпались на лобовые стёкла, а корни выпирали из-под асфальта, как жилы. Чуть дальше виднелись ещё два таких же. У подножия среднего блестела начищенная бронзовая табличка.

— Они снесли почти все, — тихо сказал Адриан. — Я видел в новостях, но одно дело смотреть фотографию, а другое видеть своими глазами.

— Здесь была роща? — уточнила Элиана.

— До самого западного крыла. До войны каждое дерево называли в честь выдающегося выпускника-резоната, но первые начали срубить ещё когда мы учились.

Отец замолчал, и Элиана заметила, как он коротко сжал руль, прежде чем вытащить ключ зажигания.

— Мы часто гуляли там, готовясь к экзаменам. У твоей прабабушки по маминей линии был свой именной дуб, — продолжил он.

Элиана что-то смутно помнила про эту рощу. Кажется, однажды она листала старый альбом и видела ещё чёрно-белые фотографии. Сейчас от неё осталось лишь три дерева в окружении асфальта и табличка «Памятник природы регионального значения».

— Хочешь, я провожу? — спросил Адриан после паузы.

— Нет, — снова повторила Элиана и вымученно улыбнулась. — Я сама.

Адриан кивнул.

— Тогда оставь чемоданы, я их попозже подвезу к общежитию. Пройдусь немного. Мне есть, что здесь вспомнить.

— Я позвоню, как заселюсь, — пообещала Элиана и коротко сжала его плечо, выходя из машины.

Покинув парковку, она направилась к главной аллее. Слева, за рядами подстриженных тисов, поднимались исторические корпуса из тёмного песчаника, поросшие плющом с розами, с узкими стрельчатыми окнами и химерами на водостоках. К счастью, их облик не тронули, лишь повесив несколько ярких баннеров, поздравляющих с началом учебного года.

Буквально в сотне метров высились новые медицинские и научные корпуса — современные здания со стеклянными фасадами и панорамными окнами.

Всё это выглядело так, будто кто-то взял старинную рукописную книгу, хранящую в себе вековую историю, вырвал несколько страниц и вклеил вместо них листы из рекламного буклета.

Прямо посреди двора, будто насмехаясь, возвышалась информационная стела с гербом университета и цифровым экраном, на котором неоновыми буквами горело: «Истина, Равенство, Будущее». Рядом развевался флаг Юнитерры — государства, что было образовано после войны, когда многовековая автономия Резонатов пала, лишив их права жить обособленно.

Элиана знала, как выглядел прежний герб, и подошла поближе, чтобы сравнить.

Когда-то на нём были изображены дерево, символизирующее корни и связь поколений, книга, олицетворяющая знание, и искры Резонанса.

Книгу в новую версию взяли без изменений, искры исчезли, зато добавилась пальмовая ветвь как символ установившегося мира. Дерево осталось, но его ветви сделали похожими на микросхему или нейронные связи и добавили весы, якобы в знак Равенства между Резонатами и Константами.

«Равенство». Разумеется...

Именно поэтому ей запрещено входить в новые корпуса, изучать медицину и работать в целом ряде профессий.

— Эли! Эли, вот ты где! — звонкий голос прорезал гул студенческих разговоров вокруг, как серебряный колокольчик.

Элиана обернулась и увидела Розу, которая бежала к ней по аллее. За ней, как за кометой, тянулся шлейф из светло-пшеничных волос и развевающейся юбки небесно-голубого цвета.

Подруга налетела на Элиану и обняла так крепко, что у последней перехватило дыхание. В нос ударил аромат, в котором смешивались сирень и свежескошенная трава. Она стиснула

зубы, но не отстранилась, потому что это была Роза — единственный человек, чьи объятия были хотя бы терпимыми.

— Ты ещё похудела, — заявила Роза, отстранившись и взяв её за плечи. Огромные травянисто-зелёные глаза, слишком большие для узкого лица, изучали Элиану с тревожной нежностью. — И круги под глазами... Ты нормально себя чувствуешь?

— Плохо спала, — пожала плечами Элиана, не желая вдаваться в подробности того, как отходила от случая на перекрёстке почти всё лето. А кровь носом периодически шла до сих пор.

В отличие от её, кожа Роза была покрыта лёгким загаром, который очень шёл. На щеках виднелась россыпь веснушек, а волосы выгорели, на солнце отливая золотом.

В целом, Розалия Грин как обычно выглядела как иллюстрация к сборнику кельтских сказок, и Элиана подумала, что за прошедший год подруга ещё больше стала похожа на лесную нимфу.

— Пройдёмся? — Роза подхватила Элиану под руку с лёгкостью, которая была позволена только самым близким. Точнее, Роза, и больше никому, ведь круг общения у неё был чрезвычайно узок.

— Здесь мило, если привыкнуть, — пожала плечами Роза, которая поступила в Веритас в прошлом году и теперь училась на втором курсе факультета искусств. — Мне нравится, что сохранилась старая атмосфера. И, как ни крути, для таких, как мы, это лучшее место. Резонансов тут много, — говорила она мелодично, слегка нараспев, почти никогда не выходя из сценического образа «лесной нимфы». — Представляешь, в том семестре третьекурсники где-то откопали рецепт древних зельеваров и теперь варят на его основе пунш из полыни. Даже бренд свой сделали! У Констант пользуется популярностью, — она хмыкнула.

— Третьекурсники варят зелья и поят ими Констант? Стратегия интеграции работает блестяще, — сыронизировала Элиана.

Роза фыркнула и повела её по главной аллее, вдоль которой росли старые вязы с узловатыми стволами и тяжёлыми кронами. Между ними стояли кованые скамейки, на одной из которых двое студентов увлечённо болтали, размахивая руками.

— Твой корпус там, — Роза указала на готическое здание справа, — раньше он вроде как назывался Сидерис, но после слияния все названия стали скучнее.

Ветер ударил девушкам в лицо. Элиана прикусила губу и поправила выпавшую из тугого пучка прядь. Внутри закипала злость. Прежнее название явно отсылало к величайшему магу и одному из основателей Университета Аурелию Сидерису. Теперь же вместо него была просто цифра.

— Искусства тоже в старом здании, видишь шпиль? — продолжила Роза. — Это бывшая часовня, так что акустика просто невероятная! Мы с группой репетируем там по вечерам, когда все уходят. Из одного конца в другой слышно даже шёпот. Идеально для музыкантов, но неудобно болтать на занятиях. — Роза снова звонко рассмеялась. — А вон там, — она махнула рукой в сторону стеклянных зданий, — медицинский и естественные науки.

Элиана проследила за её рукой.

— За ними Университетская больница, где проходят ежегодные медосмотры. Я была на таком в прошлом году, и там внутри всё как в фильме про будущее, аж глаза разбегаются! А так в новые корпуса пускают только их студентов и персонал, ну ты Акт лучше меня знаешь...

Роза оборвалась на полуслове и покосилась на Элиану. Видимо, догадалась, что разговор зашёл на опасную территорию.

— У них отдельные пропуска, — завершила она и замолчала.

Элиана посмотрела на стеклянный корпус и ощутила знакомый укол обиды на несправедливость. И сосущее чувство под ложечкой, похожее на голод, который невозможно утолить. Там, за панорамными окнами, были медицинские атласы, муляжи сердца в натуральную вели-

чину, микроскопы, в которые можно разглядеть структуру клетки. Там учили, как устроено человеческое тело. Благодаря дару Элиана чувствовала это лучше любого из местных студентов, но, увы, её путь вёл на юридический — учить параграфы, которые объясняют, почему таким, как она, нельзя на медицинский.

— Эли, — тихо позвала Роза, и Элиана поняла, что молчит уже слишком долго. — Ты в порядке?

— Вполне, — она отвела взгляд от стеклянного корпуса. — Просто люблю архитектурным контрастом.

Роза улыбнулась, но глаза остались серьёзными. Она слишком хорошо знала подругу, чтобы поверить в показное безразличие.

— Ты по-прежнему хочешь...

— Мне надо вернуться к информационной стеле, — перебила Элиана тоном, не допускающим продолжения, когда они почти завершили круг по аллее. Она взглянула на оставшиеся от бабушки наручные часы, которые носила, не снимая, несмотря на то, что они чуть-чуть отставали. — У меня там встреча с куратором. Он должен провести экскурсию для первокурсников и показать общежитие. Ты не знаешь, кто курирует юридический в этом году?

Роза открыла рот, чтобы ответить, но не успела. За спиной Элианы раздался властный мужской голос:

— Первый курс юридического? Тогда вам ко мне.

Элиана обернулась. Перед ней стоял высокий молодой мужчина с аристократической выправкой. Чёрные волосы лежали чуть небрежно, хотя Элиана готова была поспорить, что на такую укладку ушло немало времени. Он смотрел оценивающе и чуть свысока, что при их разнице в росте получалось в прямом и в переносном смысле.

Но первым, на что Элиана обратила внимание, стали глаза. Они были не привычного травянисто-зелёного оттенка, как, например, у Розы, а с бирюзовым подтоном. Такие необычные радужки, как и её собственный янтарь, могли быть признаком древнего магического рода.

На лацкане пиджака с университетской эмблемой блестел значок аспиранта.

— Виктор Эверди, — он протянул ей ладонь. — Аспирант кафедры конституционного права. И по совместительству куратор вашего курса.

Элиана коротко пожала его руку.

— Элиана Таллис.

— Таллис, — повторил он медленно. — Ваши родители в попечительском совете. Так что мы, в некотором роде, из одного круга. — В некотором роде, — кивнула Элиана без улыбки.

Роза, почувствовав перемену в атмосфере, коснулась её локтя.

— Я побегу, у меня репетиция через полчаса. Найди меня вечером, я в комнате триста двенадцать в общежитии искусств. Комната у окна, там плющ с глициниями на стене и горшок с розами на подоконнике. Вернее, много разных горшков. Ну, ты поймёшь.

Она обняла Элиану, едва касаясь плеч, и упорхнула прочь. Голубая юбка ещё несколько раз мелькнула между стволами вязов, подобно подхваченному ветром цветочному лепестку.

Виктор проводил Роза взглядом и повернулся к Элиане.

— Факультет искусств?

— Моя подруга детства.

Он кивнул и направился в сторону стелы, около которой уже собралась небольшая группа первокурсников с растерянными лицами.

— Идёмте. Экскурсия по территории, потом общежитие. Постараюсь уложиться в час, если никто не потеряется.

Иллюстрация к главе:

Глава 3. Комната в башне

Виктор повёл их через главный двор, выглядя так уверенно, будто кампус принадлежит ему лично, а остальные присутствуют на территории по его великодушному позволению. Он шёл, не оборачиваясь назад, и первокурсники послушно семенили следом, как утята за уткой.

— Слева от вас Первый корпус, он соединён со Вторым. Там естественные науки и медицина, — сухо перечислял Виктор. — Дальше, за галереей, Четвёртый, в бывшей Часовне, — искусства. Левее Пятый, инженерный. Третий корпус, куда мы направляемся, занимают юридический факультет и гуманитарные науки. Вон там, впереди, административный, там находится ректорат. Всего корпусов одиннадцать, не считая хозяйственных. Подробнее можно посмотреть на схеме, — Виктор кивнул на информационную стелу, где на обратной стороне была изображена карта территории.

— А та часть кампуса закрыта, — он повёл рукой куда-то за спину, в сторону, противоположную их движению. — Там старые здания довоенной постройки, которые сейчас не используются. В них лучше не соваться без необходимости, многое в аварийном состоянии.

— А правда, — раздался сзади негромкий голос, — что на месте Первого корпуса раньше была Библиотека?

Элиана обернулась. Говорил худой долговязый юноша, прижимавший к груди пухлую папку. Из кармана его пиджака торчал сложенный распечатанный план университета с пометками от руки. Он смотрел с настойчивостью отличника, жаждущего, чтобы его знания оценили.

Виктор остановился и обернулся к нему.

— Библиотека Эленвейр с самой большой коллекцией рукописных манускриптов по теории Резонанса, — подтвердил он. — Была демонтирована в рамках программы модернизации.

— А книги? — уточнил парень.

— Переданы в новое хранилище, разумеется, — Виктор сделал многозначительную паузу. — Но около трёхсот томов до него, к сожалению, не доехали. Так бывает.

Он сказал это так буднично, что несколько первокурсников переглянулись, пытаясь понять, шутит он или нет. Парень, не считав интонации, удовлетворённо кивнул, видимо, обрадовавшись, что его догадка подтвердилась, и сделал пометку в блокноте.

— А где находится родник? — оживился он. — Я читал, что перед входом в Библиотеку бил источник, где первокурсники проходили обряд посвящения. Можно ли на него взглянуть?

Элиана коротко посмотрела на него через плечо и закатила глаза. Он явно будет сидеть в первом ряду, постоянно тянуть руку и задавать множество неуместных вопросов.

Виктор повернулся в сторону медицинского корпуса и несколько секунд молча смотрел туда, а потом всё же ответил на вопрос:

— На месте родника теперь это здание.

— То есть он засыпан? — уточнила девушка справа.

— Направлен в техническую трубу, с учётом стандартов санитарной безопасности, — очевидно, процитировал методичку Виктор.

Долговязый открыл рот, чтобы задать ещё один вопрос, но группа уже двинулась дальше.

— Прошу за мной. Если будем задерживаться, не успеем посмотреть библиотеку до закрытия, — объявил Виктор.

Элиана перевела взгляд с современных корпусов на исторические и обратно, вспоминая известную мысль о том, что власть над будущим всегда начинается с контроля над прошлым. Руководство Веритаса усвоило этот урок безупречно. Чтобы навязать обществу свою версию реальности, они с завидным упорством стирали наследие Резонатов либо использовали его в своих целях. Это не имело никакого отношения к заявленному стремлению к прогрессу, ведь Константами руководил лишь первобытный страх перед чужими корнями, которые уходили слишком глубоко в землю и грозили однажды взломать идеально ровный асфальт, положенный сверху.

Тем временем группа направилась к Третьему корпусу.

— Корпус номер три, бывший Сидерис Холл, был построен в тысяча восемьсот тридцать втором году, — вещал Виктор, поднимаясь по каменным ступеням, отшлифованным тысячами подошв. — Первоначально служил магической академией, но после реформы переименован и объединён с гражданским университетом. Юридический факультет занимает центральное и восточное крыло. Библиотека на третьем этаже, доступ по студенческому билету.

Он толкнул тяжёлую дубовую дверь, и они вошли в холл. Потолок уходил вверх, теряясь в полумраке между балками, а вдоль стен висели портреты бывших деканов. Стрельчатые окна бросали на каменный пол разноцветные пятна, и у Элианы на мгновение перехватило дыхание от красоты картины.

Эти стены помнили её прадеда и бабушку, здесь же учились родители. Когда-то в этом здании маги произносили клятвы и изучали Резонанс, не прячась и не извиняясь. А теперь на стене висел информационный щит с расписанием лекций по гражданскому праву, яркие рекламные листовки и объявление о «Дне открытых дверей для интеграционных программ», набранное жизнерадостным жёлтым шрифтом.

— Впечатляет, — сказала Элиана вполголоса.

Виктор покосился на неё.

— Это вы о здании или о расписании?

— О когнитивном диссонансе. Готические своды, возведённые Резонатами, под которыми теперь изучают Акт, запрещающий нам быть полноценными гражданами.

Несколько первокурсников обернулись. Виктор приподнял бровь. На его лице промелькнуло уважение. А, может быть, наоборот раздражение от того, что она сказала вслух то, о чём принято молчать.

— Юмор на юридическом приветствуется, — прокомментировал он вполголоса. — Пока не переходит в политические высказывания.

— Я запомню, — ответила Элиана. — Хотя провести границу бывает непросто.

Виктор не ответил, но уголок его рта дрогнул. Он повёл группу дальше. Под ногами гулко отдавали каменные полы. Первокурсники миновали аудитории с рядами деревянных скамеек

и кабинеты профессоров с именами на дверях. Элиана шла чуть позади, разглядывая стены, на которых слои краски наложились друг на друга, как геологические эпохи, и местами проступали наполовину замазанные, наполовину осыпавшиеся фрески.

Общежитие располагалось в восточном крыле. Коридоры там стали, а потолки ниже.

Виктор раздавал ключи от комнат устало и почти машинально. Когда очередь дошла до Элианы, он протянул ей ключ с латунной биркой и посмотрел немного внимательнее, чем на остальных первокурсников.

— Комната четыреста семь. Это одноместная, в башне. Вход в конце коридора.

Несколько человек переглянулись, а потом принялись беззастенчиво её рассматривать. Элиана проигнорировала их взгляды и взяла ключ, ощутив прохладную тяжесть на ладони.

Группа разошлась по комнатам. Там, куда указал Виктор, оказалась винтовая лестница. Поднявшись по ней, Элиана обнаружила дверь с цифрами 407 и повернула ключ в замке.

Комната была небольшой, но более чем достаточной для одного человека. Узкая кровать с деревянной спинкой стояла у стены слева. Из стрельчатого окна высотой во всю стену лились мягкие лучи послеполуденного солнца. Элиане пришлось шуриться, чтобы рассмотреть маленький, скорее символический балкончик, увитый плющом с дикими розами. Она подумала, что туда можно выходить подышать воздухом в дни, когда покидать комнату не будет необходимости. Справа от окна стоял письменный стол из тёмного дерева, книжная полка, пустой шкаф с зеркалом на двери, и больше ничего.

Стены были выкрашены в тёплый кремовый цвет, а на потолке сохранилась потрескавшаяся, но красивая лепнина в виде переплетённых ветвей. Пахло деревом и розами от плюща с балкона.

Элиана поставила сумку на пол, вышла на него и втянула терпкий цветочный аромат. Отсюда открывался вид на внутренний двор с каменным фонтаном и старыми каштанами. За деревьями поблёскивал стеклянный фасад медицинского корпуса, но сейчас он казался далёким и нереальным, как мираж.

Она вздохнула. Комната нравилась ей, но одноместная означала только одно — мать всё-таки говорила с ректором Бьёрн по поводу отсутствия соседей, хотя Элиана настойчиво просила этого не делать.

Раз уж ей придётся учиться здесь, то хотелось хотя бы не выставлять напоказ свой статус дочери членов попечительского совета. Но мать утверждала, что это не привилегия, а мера предосторожности. По документам она числилась Виталистом-диагностом низшего уровня и якобы умела только считывать физическое состояние людей при прикосновении к ним. И мать считала, что наличие соседки — лишний риск раскрытия правды. Так что эта комната стала ещё одной вехой одиночества Элианы и очередной стеной между ней и миром, который не должен знать, кто она на самом деле.

Стук в дверь прервал размышления. Элиана открыла её, обнаружив на пороге Виктора. Он стоял, прислонившись плечом к дверному косяку и делая вид, что заглянул мимоходом, хотя явно пришёл целенаправленно, ведь случайно сюда не попасть.

— Устроились?

— Только что вошла.

— Одноместная комната для первокурсницы... — протянул он, чуть понизив голос. — Их всего четыре на всё общежитие, и обычно они достаются аспирантам или тем, у кого медицинские показания. Как вам удалось?

Элиана посмотрела на него прямо.

— Мои родители в попечительском совете. Но вы это и без меня знаете.

Виктор кивнул, ничуть не смутившись.

— Конечно. Таллисы одна из старейших семей в совете.

— Если бы я могла выбирать, то предпочла бы быть как все, — тихо произнесла Элиана, и это было правдой. Ей нравилось одиночество, но не хотелось чувствовать себя исключением из правил.

Виктор помолчал, видимо, прикидывая что-то в уме, а потом достал из внутреннего кармана пиджака визитку — плотный кремовый картон с тиснённым гербом — и протянул ей:

— Мои родители тоже в совете.

Элиана взяла визитку, повертела в пальцах.

— К чему вы ведёте? — прямо спросила она.

Виктор скрестил руки на груди. Поза оставалась нарочито небрежной, но глаза оставались внимательными и пронизывающими.

— В университете есть сообщество. Неофициальное. Орден потомственных Резонатов. Существует столько же, сколько и сам Веритас, хотя, разумеется, ни в каких документах вы его не найдёте. Мы собираемся раз в неделю. Говорим о том, что невозможно обсудить на лекциях и в общегитии. То, что касается нашей истории, наших прав и нашего будущего. Такие, как мы, должны держаться вместе.

Элиана молчала, и Виктор, очевидно истолковав это как интерес, продолжил.

— Ваша мать была его членом. И ваш отец. Думаю, вам это было бы небезынтересно. Приходите, вам будет полезно узнать, как здесь всё устроено на самом деле.

Внутри встрепенулось любопытство, которое тут же вытеснили осторожность и привычное недоверие к миру. Это могло быть чем угодно, от клуба ностальгирующих по былым временам аристократов до чего-то значительно менее безобидного.

— Я подумаю, — сказала она и убрала визитку в карман.

Виктор кивнул, будто другого ответа и не ожидал.

— Разумно. Первое собрание в это воскресенье. Если решитесь, подробности на обороте. Он выпрямился, одёрнул пиджак и ушёл вниз по винтовой лестнице.

Элиана захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и шумно выдохнула, а потом перевернула визитку. На обороте каллиграфическим почерком было написано: «Воскресенье, 21:00. Нижняя галерея. Третья дверь от витража с совой».

Она положила карточку на стол, рядом с ключом от комнаты, потом села на кровать, и пружины тихо скрипнули под её весом. Элиана выглянула в окно, на улице уже занимался закат. У самого входа в корпус стоял отец с двумя чемоданами и о чём-то говорил с пожилым комендантом в потёртом форменном пиджаке. Видимо, тот работал здесь ещё во времена их с матерью студенчества. Элиана поспешила вниз, и они с отцом ещё постояли пару минут на ступенях. Адриан помог поднять чемоданы, коротко обнял её, попросил беречь себя и ушёл. Она вышла на балкон и смотрела, как отец идёт к парковке, садится в машину.

И только когда та скрылась за поворотом аллеи, Элиана осознала, что осталась одна в чужом мире, в комнате под самой крышей.

Она опустилась на кровать, закинув руки за голову, и уставилась в потолок с лепниной, покрашенной белой краской. Когда-то этот узор что-то значил, как и всё остальное в этом Университете. Но те времена давно канули в лету, а им на смену пришёл мир, в котором равенство было вписано в устав огромными буквами, но нарушалось в каждом абзаце мелким шрифтом.

Иллюстрация к главе:

Глава 4. В один голос

Утром Элиана развернула распечатку расписания, полученную от Виктора накануне, придавила угол стаканом с соком и несколько минут просто смотрела на ровные столбцы, пытаясь понять, что ей предстоит изучать в ближайшие годы и как устроено место, в которое теперь нужно вписаться.

После реформы Веритас стал воплощением идеи интеграции в её плакатном виде: Резонаты и Константы сидели в аудиториях бок о бок, слушали одни лекции и вместе сдавали экзамены.

Элиана читала названия предметов столбец за столбцом. Конституционное право, История государства и права, профессиональная этика... На бумаге это выглядело приемлемо. На практике же, скорее всего, день за днём ей предстояло разбирать параграфы Акта о Социальной Интеграции и слушать рассказы о том, почему она должна быть удобной для общества. Того самого, что терпит непохожих на большинство ровно до тех пор, пока они готовы не выделяться.

Отдельного внимания заслуживал нижний блок таблицы, набранный мелким шрифтом. Вечерние часы, с пяти до семи, принадлежали спецкурсам, которые дважды в неделю должны были посещать студенты-Резонаты. Надежды на то, что это будет полезно или хотя бы интересно, растаяли сразу, как Элиана прочитала названия предметов.

«Методы самоконтроля для Резонатов», «Правовые основы применения дара», «Техники минимизации влияния Резонанса в социальной среде».

В списке не было ни одного курса о развитии способностей или занятия, которое учило бы понимать свой дар и использовать его во благо. Вместо этого предлагались сдерживание, контроль и интеграция. Кажется, Резонатов собирались дрессировать, как зверьков в цирке, и учить прятать свою суть, чтобы никто из Констант ненароком не почувствовал дискомфорта.

Элиана сложила расписание, убрала его в папку и начала собираться на первую лекцию.

* * *

Аудитория 12-В располагалась на втором этаже Третьего корпуса в просторном зале с высокими потолками. Когда-то, судя по остаткам фрески над кафедрой, здесь преподавали что-то совсем другое. В полустёртых линиях угадывались круги, напоминавшие схему энергетических потоков. Сейчас же с потолка свисал проектор, а поверх фрески белел экран, одновременно служащий магнитно-маркерной доской, и эта картина показалась Элиане точной метафорой того, куда она попала.

Студенты рассаживались по деревянным скамьям, расположенным полукругом. Элиана выбрала место в третьем ряду у прохода и положила перед собой тетрадь и ручку. Наушники остались в кармане пальто. Здесь они были бы неуместны, хотя желание отгородиться от гула чужих разговоров никуда не делось.

Она медленно окинула зал взглядом, стараясь не сильно вертеть головой и не разглядывать никого конкретного. Студентов было около ста человек. Большинство первокурсников выглядели одинаково растерянno — кто-то листал телефон, другие уткнулись в тетради или нервно щёлкали кнопкой ручки.

Элиана задумалась о том, сколько среди студентов Резонатов, а сколько Констант. Отличить одних от других на глаз было невозможно, потому что явных внешних маркеров не существовало. Глаза или волосы отличались далеко не у всех, да и их легко можно было спрятать. Так что маги спокойно мимикрировали под обычных людей, если не применяли дары и не отсвечивали. Когда их решили занести в реестр, правительству пришлось изобретать специальные тесты. Отец рассказывал, что занимались этим в том числе Резонаты-предатели, играющие на стороне врага. Первые прототипы работали совсем плохо, однако после ряда усовершенствований научились более-менее точно определять наличие Резонанса, но не конкретную способность. Именно поэтому в карточке Элианы стоял совсем не тот дар, что был у неё на самом деле.

Дверь аудитории хлопнула, вырвав Элиану из мыслей, и к кафедре прошёл мужчина лет пятидесяти. Он был невысоким и жилистым, с тяжёлым подбородком и глубоко посаженными глазами под нависающими бровями. Костюм сидел так, будто был сшит специально для своего владельца и постарел вместе с ним. Элиана не исключала, что так оно и было.

Профессор положил на кафедру стопку бумаг, обвёл аудиторию взглядом и заговорил без лишних предисловий или попыток расположить к себе:

— Меня зовут Грэхэм Тэтчер. Я веду курс «Основы конституционного права». Если вы пришли сюда за вдохновляющими лекциями о равенстве, справедливости или о том, как мудро коалиция «Юнисон» ведёт нас к светлому будущему, то вы ошиблись дверью.

Он включил проектор и вывел на экран схему государственного устройства.

— Начнём с основ, — Тэтчер постучал ручкой по верхнему блоку схемы. — Кто может назвать форму правления, в которой мы с вами имеем удовольствие пребывать?

Тишина была недолгой. Буквально через несколько секунд с первого ряда поднялась рука, и Элиана узнала парня, что спрашивал вчера про родник.

— Конституционная республика парламентского типа, — отчеканил он заученные слова. — С двухпалатным парламентом, всеобщим избирательным правом и гарантиями основных гражданских свобод, закреплёнными в Конституции.

Тэтчер явно услышал именно то, что ожидал.

— Безупречно. Прямо с первой страницы учебника, — Тэтчер сделал паузу. — А теперь скажите мне, мистер...

— Альден.

— Мистер Альден, какая часть из того, что вы только что произнесли, описывает нашу повседневную реальность, а какая существует только на бумаге?

Альден растерянno открыл и закрыл рот, явно не ожидая такого провокационного вопроса и теперь прикидывая, как безопаснее выкрутиться из ситуации. Профессор не стал его

дожимать, кивнув так, будто эта заминка сама по себе была достаточным ответом, и медленно обвёл аудиторию взглядом.

— Существует большая разница между правом, которое декларируют, и правом, которое практикуют. Моя задача научить вас ориентироваться в последнем, — произнёс он спокойно. — Один из лозунгов правящей коалиции «Юнисон» звучит так: «Общество — это хор, где мы все должны звучать в один голос ради общего блага». Красиво, не так ли? — он дождался робких кивков пары студентов. — Но, как вы понимаете, чтобы хор звучал в унисон, кому-то приходится наступить на горло собственной песне.

По аудитории прошёл осторожный смешок, который тут же стих.

Тэтчер задал следующий вопрос:

— Кто может коротко объяснить, как в нашей стране определяется правовой статус гражданина?

Повисла тишина. На этот раз желающих ответить было заметно меньше. Альден, судя по тому, как сосредоточенно он что-то записывал, выводы из эпизода уже сделал. Элиана знала ответ, но была не уверена, что хочет привлечь к себе внимание. Она ждала, давая кому-нибудь ещё возможность проявить инициативу. Несколько человек переглянулись, кто-то уткнулся в тетрадь. Через примерно минуту она подняла руку, Тэтчер кивнул.

— Правовой статус гражданина определяется принадлежностью к одной из двух категорий — Константа или Резонат, — начала Элиана. — Она определяется по достижении семи лет и подтверждается повторно в шестнадцать. Константы обладают полным объёмом гражданских прав. Резонаты обладают тем же объёмом, за вычетом ограничений, прописанных в Акте о Социальной Интеграции. Официально это называется не неравенством, а «селективным регулированием».

Послышался лёгкий шёпот. Тэтчер, не отрываясь, смотрел на неё несколько секунд, а потом спросил только:

— Имя?

— Элиана Таллис.

Он не прокомментировал фамилию, но Элиана заметила, что глаза его слегка прищурились.

— Верно по существу, — качнул головой он. — Формулировка «за вычетом ограничений» не совсем корректна, но для первой лекции сойдёт. Давайте копнём глубже. Кто знает, какие именно ограничения накладывает Акт?

— Запрет на ряд профессий, — подала голос невысокая брюнетка с первого ряда. — В сферах медицины, государственного управления, силовых структур. И всех остальных, где подразумевается частый физический контакт с Константами или доступ к рычагам власти.

— Обязательная регистрация способностей, — добавил рыжеволосый парень с предпоследней скамьи. — С указанием подтипа дара и уровня.

Тэтчер монотонно кивал после каждого ответа.

— Лицензирование использования магии, — продолжил он сам, когда добровольцы иссякли. — Каждый эпизод применения дара вне бытовых нужд должен быть санкционирован Управлением по делам Резонатов. Несогласованное применение магии карается штрафом, общественными работами, а в случае причинения вреда Константе — уголовным преследованием вплоть до лишения свободы. Считаете ли вы эту систему справедливой?

Аудитория замерла. Вопрос был ловушкой, и все это понимали. Элиана сцепила пальцы под столом. Ответить «да» означало солгать, «нет» — высказать политическую позицию, что на юридическом факультете государственного университета было и опасно, и неразумно.

В голове внезапно всплыл голос матери. Пару лет назад Элиана горячо доказывала ей, что очередной указ Управления глуп и нечестен. Изабелла посмотрела на дочь холодным, отрезвляющим взглядом и произнесла:

— Не стоит искать справедливости в законах, Элиана. И путать мораль с правом, особенно если хочешь выжить.

— Справедливость — одна из целей права, но не условие его существования, — наконец произнесла она. — Несправедливость закона не лишает его юридической силы.

Тэтчер усмехнулся и посмотрел на неё с намёком на уважение.

— Запомните этот ответ, — обратился он ко всей аудитории. — Мисс Таллис только что продемонстрировала вам приём, который я сам собирался показать недели через три. Она ответила на неудобный вопрос так, что её слова невозможно использовать против неё.

Он обвёл зал тяжёлым взглядом из-под бровей.

— В нашей системе, — заговорил он медленнее и тише, — самые важные вопросы именно те, на которые нельзя ответить безопасно. С ними вы будете сталкиваться постоянно. И первый навык, которому придётся научиться, — это говорить правду так, чтобы она не стоила вам карьеры, а иногда и чего-то большего.

Аудитория замерла. Кто-то уткнулся в конспекты, другие переглядывались между собой. Элиана опустила взгляд в тетрадь, ощущая, как к щекам приливает жар.

Тэтчер уже собирался отвернуться к доске, когда с пятого ряда поднялась рука и раздался ровный женский голос:

— Профессор, можно?

Элиана обернулась. Поднявшая руку девушка с аккуратно убранными в высокий хвост светлыми волосами сидела так прямо, словно проглотила металлический штырь. На воротнике блейзера поблескивал значок студенческого крыла «Юнисон».

— Слушаю вас, мисс Морган Хейл.

— Ответ мисс Таллис был изящным, но за ним стоит утверждение, с которым я не могу согласиться. Удобно рассуждать о «применимости» закона, не понимая, что за ним стоит, — начала она. — Тридцать лет назад именно отсутствие контроля над способностями Резонатов привело к смертям, так что Акт — фундамент, удерживающий нас от возвращения в хаос.

Она обвела взглядом первые ряды и продолжила увереннее, убедившись, что её слушают.

— Сегодня мы сидим здесь все вместе, слушаем одну лекцию, и никто не боится, что сосед справа отнимет у него память или испепелит вспышкой Резонанса. Это и есть результат Акта, а любая его дискредитация — прямой путь к новым конфликтам.

Она опустила на скамью с тем же достоинством, с каким встала.

Внутри у Элианы всё напряглось. Она открыла рот, чтобы ответить, но слова вдруг застряли в горле. Под пристальными взглядами всей аудитории, на контрасте с ледяным спокойствием Морган, её уверенность дала трещину.

Можно было просто промолчать, потому что Тэтчер не требовал от неё ответа, однако Элиана всё же заставила себя говорить:

— Этот аргумент закрывает дискуссию до её начала, — произнесла она, но тут же осеклась, поняв, что мысли путаются. Ей пришлось набрать в грудь воздуха, чтобы продолжить. — По этой логике невозможно ни уточнить формулировку, ни даже задать вопрос, потому что он превращается в угрозу. Я сомневаюсь, что система, неспособная выдержать собственного обсуждения, так прочна, как мы её описываем.

Морган развернулась к ней через плечо.

— Ирония в том, что именно такие рассуждения когда-то уже привели нас к Кампании Стабилизации. Это и есть путь, о котором я говорила.

— Но обсуждение и расшатывание — не одно и то же, — возразила Элиана и захлебнулась воздухом. Фраза прозвучала резко и недостаточно профессионально, будто она оправдывается. Кровь стремительно прилила к щекам.

Морган открыла было рот, но Тэтчер вскинул руку, останавливая их обеих.

— Достаточно. Сядьте обе.

Элиана опустилась на скамью, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение на саму себя. Тэтчер что-то говорил о «небезопасных вопросах», но Элиана толком не слушала, мысленно перебирая варианты ответа, которые были бы куда острее и точнее, чем то, что она произнесла вслух.

Десять возражений выстроились у неё в голове за те несколько секунд, что профессор выключал проектор, но было уже поздно.

Он положил пульт и обернулся к залу.

— Прежде чем мы разойдёмся, я оставляю вам вопрос, над которым предлагаю подумать к следующей встрече. Акт запрещает Резонатам применять способности против Констант. Но что, если Резонат не знает о своём даре, и он проявляется бессознательно? Несёт ли он юридическую ответственность за последствия, и если да, то в каком объёме?

Аудитория всколыхнулась. Кто-то сразу поднял руку, но Тэтчер качнул головой.

— Не сейчас. Подумайте. Готовых ответов в учебнике вы не найдёте, потому что в нашей правовой системе этот вопрос намеренно не доработан, — он окинул аудиторию долгим взглядом из-под нависающих бровей. — На сегодня всё.

Скамьи заскрипели, и студенты потянулись к выходу с приглушённым гулом. Всем явно хотелось обсудить произошедшее на лекции между собой. Элиана задержалась, складывая вещи в сумку, на которой как назло заела молния. Когда она наконец подняла глаза, Тэтчер уже стоял у кафедры, перебирая бумаги, и, не оборачиваясь, произнёс:

— Мисс Таллис, задержитесь на минуту.

Она подошла к кафедре. Он убрал бумаги в портфель, повернулся и посмотрел на неё внимательным, немигающим взглядом, будто знал больше, чем мог сказать вслух.

— Ваша мать звонила мне вчера, — сказал он просто. — Просила приглядеть. Я не надзиратель, но обещал, что курс будет вам полезен. Не разочаруйте.

Элиана кивнула, не зная, как на это реагировать. Тэтчер вышел, не дожидаясь её реакции.

Ещё несколько секунд она стояла, разглядывая витиеватый узор за магнитно-меловой доской. Больше не нужно было искать безопасные ответы, которых в принципе не существовало, или выбирать сторону.

Иллюстрация к главе:

Глава 5. На своих условиях

Глава 5 НА СВОИХ УСЛОВИЯХ

Элиана вбежала в комнату, громко хлопнув дверью, и бросила ключ на стол, где уже лежала визитка Виктора. Оба этих предмета казались ей сейчас вещественными доказательствами материнского вмешательства. Ни с того ни с сего ей дали одноместную комнату в башне, куратор из «своего круга» персонально явился приглашать на собрание в Орден, членами которого были её родители. Но последней каплей стал профессор Тэтчер с просьбой «приглядеть за ней».

Всё это складывалось в плотную сеть, заброшенную на неё, едва она успела переступить порог Веритаса.

Элиана вытащила из кармана телефон. Пальцы на автомате побежали по экрану, ища нужный номер. Пока шли гудки, она ходила от окна к двери и обратно, чувствуя, как от злости сбивается дыхание.

Трубку взяли после третьего гудка.

— Эли?

Голос отца был спокойным и мягким, без характерных стальных ноток, которые можно было услышать от него на деловых переговорах. Так Адриан Таллис разговаривал только с женой и дочерью. Элиана на мгновение запнулась, потому что собиралась говорить с матерью и была готова к нападению, а отцовская теплота сбивала с боевого настроения.

— Папа, — выдохнула она. — Передай маме трубку, пожалуйста.

— Она занята, освободится где-то через полчаса, — отозвался отец. — Что-то срочное?

— Да, — отрезала Элиана и тут же поняла, что говорит слишком грубо, хотя гнев направлен не на отца. Она остановилась посреди комнаты, прижав свободную руку к груди. — Папа, я понимаю, что мама беспокоится, но это уже выходит за все мыслимые рамки.

В трубке повисла короткая пауза. Отец никогда не перебивал, всегда выслушивая её до конца. Элиана знала, что сейчас он, вероятно, откинулся в кресле в кабинете, может быть, отложил бумаги и приготовился слушать.

— Что именно?

— Одноместную комнату я стерпела, — она начала загибать пальцы свободной руки, хотя отец её не видел. — Виктора Эверди и его приглашение в Орден Резонансов тоже, но сегодня после лекции профессор конституционного права сообщил мне, что мама попросила его приглядывать за мной! И это уже ни в какие рамки! — Элиана почувствовала, что голос становится тоньше и звонче, и заставила себя сделать вдох, прежде чем продолжить. — Я стояла перед ним, как маленькая девочка, которую родители привели в первый класс и попросили учителя держать за руку.

Адриан помолчал. На фоне в трубке тихо тикали напольные часы из библиотеки.

— Давай по порядку, — мягко сказал он. — Что касается Ордена, то я очень сомневаюсь, что здесь замешана Изабелла. Мы с Эверди не общались уже много лет. Формально они в совете, но по факту заняты совсем другими вещами. Не знал, что Орден до сих пор существует внутри Университета. Я не буду говорить матери об их приглашении, потому что верю, что ты разберёшься сама, но, пожалуйста, будь осторожна. Что же касается Тэтчера... — отец сделал долгую паузу, явно подбирая слова. — Он один из немногих преподавателей, которому точно можно доверять. И мать наверняка просила его не следить за тобой, а быть рядом, если возникнут проблемы. Это разные вещи.

— Мне восемнадцать. Я подала документы на факультет, который вы выбрали, переступив через все свои планы и попробовав смириться. Я согласилась изучать акт, по которому мне нельзя быть тем, кем я мечтала с двенадцати лет. И мне казалось, что после стольких компромиссов с моей стороны я имею право хотя бы войти в аудиторию без того, чтобы за мной был закреплён надзиратель! Если уж учиться юриспруденции, то мне нужно научиться разбираться в людях самой.

Адриан сделал глубокий вдох, и Элиана услышала, как он отодвинул что-то на столе.

— Послушай меня, — голос отца стал чуть строже. — Я не буду делать вид, что мать сделала всё идеально. Звонок Тэтчеру был излишним, согласен. Отдельная комната — спорное решение с точки зрения твоей социализации, хотя у неё были аргументы, и достаточно весомые. Но я хочу, чтобы ты услышала меня, прежде чем будешь говорить с ней. То, что она делает, это не просто желание контролировать. Она боится за тебя как любая мать за своего ребёнка.

Они оба замолчали. Элиана отстранилась от стекла и повернулась обратно в комнату. Вечерний свет уже начинал золотить лепнину на потолке, выхватывая из-под слоёв белой краски тёмные углубления старого узора.

Где-то в глубине двора гулко хлопнула дверь, и звук эхом прошёл по каменным стенам общежития.

— Я не оправдываю мать, — продолжил Адриан после паузы. — Но осторожность для тебя — это не блажь, а условие выживания. Ты можешь сколько угодно злиться на правила, по которым приходится играть, и я тебя в этом поддерживаю, но соблюдать их придётся.

Элиана зажмурилась. В груди у неё медленно остывала та горячая злость, что разгорелась пятнадцать минут назад. Формально отец был прав, но признавать этого она не хотела.

— Я хочу, чтобы вы доверяли мне, папа, а не вели себя так, будто считаете, что я не могу справиться сама.

— Мы верим, что ты справишься, Эли. Иначе бы тебя не отпустили.

— Тогда пусть мама докажет это, перестав вмешиваться.

— Я поговорю с ней, — ответил отец. — Только давай договоримся вот о чём... Ты не будешь сейчас, на эмоциях, разговаривать с матерью. Я попрошу её не вмешиваться в твою студенческую жизнь без крайней необходимости, а ты, в свою очередь, пообещаешь мне одну вещь.

— Какую?

— Если что-то пойдёт не так, ты позвонишь нам сразу, а не когда ситуация уже зайдёт слишком далеко, — голос отца стал серьёзнее.

Элиана провела ладонью по лицу, убирая прилипшие ко лбу пряди.

— Ладно, — выговорила она наконец, а потом добавила:

— И всё-таки передай маме, что я уже не ребёнок. И если она продолжит, а я узнаю об этом так же, как сегодня от Тэтчера, это не сделает нас ближе.

— Услышал, — спокойно отозвался отец. — Передам в том виде, который она сможет принять.

— Перевод с моего на дипломатический? — невольно усмехнулась Элиана.

— Десять лет практики, дорогая. Иначе у нас в доме давно бы случилась маленькая гражданская война.

Она тихо рассмеялась, и от этого стало чуть легче.

— Папа.

— Да?

— Спасибо.

— Береги себя, Эли.

В комнате становилось всё темнее, и старый узор лепнины на потолке снова потерял свои очертания.

Элиана завершила звонок, повертела в руках расписание пар юридического факультета и положила обратно, рядом с визиткой Виктора и латунным ключом от комнаты. Три предмета на столе составили маленький натюрморт, олицетворяющий начало её учёбы в Веритасе. Каждый из них означал решение, принятое за неё кем-то другим.

* * *

Следующие дни пролетели в университетской рутине. За лето Элиана почти приняла, что вынуждена будет учиться не там, где хотела, поэтому машинально ходила на лекции, конспектировала преподавателей и задавала необходимое количество вопросов, чтобы ни у кого не возникло претензий к её вовлечённости.

Конституционное право, теория государства, история правовых систем... Предметы наслаивались друг на друга, как слои штукатурки на стенах её комнаты. Но все, за редким исключением, несли одну и ту же мысль: мир устроен определённым образом. И нужно научиться в нём функционировать, а не пытаться изменить.

Профессор Тэтчер оказался единственным, кто не вызывал желания смотреть в окно. Остальные преподаватели были компетентны и добросовестны, но невыносимо предсказуемы. «Историю государства и права» должна была читать сама ректор Бьёрн, но на этой неделе её заменяла нервная аспирантка, говорящая по бумажке таким монотонным тоном, будто зачитывала завещание.

— Акт о Социальной Интеграции, принятый тридцать лет назад, после окончания Кампании по Стабилизации, стал фундаментом нашего мирного сосуществования. Этот документ положил конец хаосу. Он не ущемляет ничьи права, а лишь устанавливает необходимые границы для всеобщего блага, — говорила она заученный текст с тем же посылом, что вчера озвучивала девушка со значком «Юнисона».

Элиана кипела от злости на это лицемерие. Ведь называть пытки и убийства Резонатов «Кампанией по Стабилизации» само по себе было кощунственным переписыванием реальности.

Однако пока она предпочитала держать язык за зубами и больше не высказывать собственного мнения там, где это может быть небезопасно, со стороны выглядела образцовой студенткой-первокурсницей. Никто, вероятно, не заподозрил бы, что каждый вечер, вернувшись в

комнату, она садилась у окна и подолгу смотрела на стеклянный фасад медицинского корпуса, сверкающий в сумерках синеватым светом, и испытывала смешанные чувства.

С одной стороны, он был олицетворением того, чего она ненавидела — уничтоженного наследия Резонатов и введённых против них запретов. С другой, она мечтала там учиться, чтобы помогать людям если не магией, то с помощью науки и знаний.

Во вторник, между утренними лекциями и вечерними спецкурсами, которые, конечно же, оказались такими же скучными, как и всё остальное, у Элианы образовалось полуторачасовое окно. Она провела его на скамейке у каменного фонтана во внутреннем дворе, откуда просматривался главный вход в Новый корпус. Сидя с раскрытым учебником на коленях, Элиана выглядела так, будто читает. Но глаза скользили поверх страниц, сканируя обстановку вокруг.

Вход был стеклянным, от пола до потолка, как и всё в этом здании. За ним виднелось просторное фойе с белыми стенами, сенсорными панелями и стойкой охраны. У турникетов стояли считыватели карт, приветливо мигающие зелёным, когда кто-то из студентов прикладывал пропуск. Охранник за стойкой провожал глазами каждого входящего явно больше по привычке, чем из бдительности. Его внимание периодически утекало в экран планшета, лежавшего на коленях.

В среду Элиана обошла корпус полностью и обнаружила боковой вход. Он находился со стороны парковки, за невысокой живой изгородью, и был оборудован таким же считывателем, как и главный, но людей здесь было значительно меньше, а охраны и вовсе не наблюдалось. Дверь закрывалась за каждым входящим и выходящим лениво и медленно. Элиана засекала время: от момента, когда кто-то выходил, до полного закрытия двери проходило около семи секунд.

Пока это была просто информация, которую она собирала, сама не зная зачем. Но в четверг всё изменилось.

После лекции, что сегодня закончилась чуть раньше обычного, Элиана направилась в столовую, рассчитывая успеть до основного потока.

Она уже почти дошла до выхода из корпуса, но у поворота к лестнице три фигуры преградили ей дорогу. Они выстроились так, что обойти их можно было только протиснувшись боком вдоль стены. Элиана замерла в растерянности.

Перед ней стояла Морган Хейл, а по бокам от неё ещё две незнакомые девушки. Одна из них сжимала в руках стакан кофе из автомата, а вторая — стопку учебников.

— Мисс Таллис, — протянула Морган, и её губы тронула полуулыбка, явно не имеющая ничего общего с доброжелательностью. — Удачно, что мы встретились.

Элиана остановилась в полуметре, не подходя ближе. Сквозняк коснулся затылка, и она почувствовала, как несколько прядей, выбившихся из пучка, шевельнулись у виска.

— Слушаю.

— Видите ли, — Морган скрестила руки на груди изящным движением, — после нашей дискуссии я поняла, что вас, видимо, никто не предупредил. В этом университете очень не любят выскочек. Тут, знаете ли, принято сначала послушать, что говорят старшие курсы и преподаватели, и только потом высказывать оригинальные суждения.

Девушка с учебником негромко хмыкнула, не поднимая глаз.

— Учту, — отозвалась Элиана ровно. — Профессор Тэтчер, насколько помню, придерживался другого мнения о моих суждениях, но возможно, вы лучше осведомлены о традициях факультета.

Улыбка Морган не дрогнула, но её глаза сузились.

— Он любит провокации, это его метод. Но я говорю не столько о нём, сколько об университете в целом. Знаете, мисс Таллис, я понимаю, откуда у вас этот тон. Наслышана о вашем семейном древе. Таллисы — старая фамилия, родители в совете, родственники на именных дубах, и всё такое...

Элиана почувствовала, как мышцы напряглись, но не позволила этому отразиться на лице или позе. Она смотрела прямо, лишь чуть наклонила голову, давая Морган возможность продолжить.

— Но времена меняются, мисс Таллис. И этот университет давно не принадлежит таким, как вы, — заявила она, делая шаг вперёд и сокращая расстояние. — Вы, Резонаты, почему-то думаете, что прошлое даёт вам право на особое отношение, но вашему наследию здесь не место. Как и вам самим, если честно.

Не скрывая удовлетворения от речи подруги, девушка с кофе хмыкнула. Несколько студентов замедлили шаг, явно прислушиваясь и готовясь к шоу.

Воздух между ними накалился, но Элиана не собиралась давать поводов для насмешек и обсуждений. В горле собрался горячий комок, и она проглотила его, прежде чем заговорить.

— Мисс Хейл, — голос вышел тише, чем она хотела, но хотя бы не дрожал. — Я рада, что не вам решать, кто может здесь учиться, а кто нет. Если это всё, то я хотела бы пройти.

Морган чуть отступила, освобождая проход настолько, чтобы Элиане пришлось пройти между ней и стеной, почти касаясь её плечом.

Подол жакета задел юбку Морган, и от этого короткого соприкосновения по коже пробежала неприятная волна. Она не оглянулась, стараясь идти ровно и не сжимать руки в кулаки, хотя это давалось непросто.

На втором этаже Элиана свернула не к столовой, а к боковому выходу во двор. Аппетит пропал совершенно, зато появилось холодное, упрямое чувство, возникающее всякий раз, когда кто-то пытался указать ей, на что она имеет право, а на что нет.

Элиана не собиралась мириться с правилами, которые считала несправедливыми. И раз уж ей предстоит учиться здесь и терпеть косые взгляды, то она хотя бы сделает это на своих условиях. Внутри вдруг вспыхнула решимость реализовать план, что пустил корни в голове ещё несколько дней назад.

Она обогнула каменный фонтан и направилась к Новому корпусу. Гравийная дорожка сменилась ровным асфальтом, тисы и розовые кусты уступили место декоративным кустарникам в бетонных кадках.

Элиана обошла корпус и вышла к боковому входу. Встала у живой изгороди, достала телефон и сделала вид, что читает сообщения. Ждать пришлось около десяти минут, прежде чем из двери вышел уборщик. Доводчик мягко потянул ту назад, и Элиана, не ускоряя шага и не меняя выражения лица, прошла внутрь в тот момент, когда зазор оставался ещё достаточно широким. Она шла так, будто имела полное право здесь находиться, ведь знала простую истину: в таких местах тебя останавливают не столько магнитные замки, сколько собственная неуверенность.

Иллюстрация к главе:

Глава 6. Расписание

За боковым входом начинался длинный пустой коридор с ровными белыми стенами, под потолком горели лампы дневного света, отчего всё вокруг казалось плоским и обесцвеченным.

Лоферы на гладкой подошве звонко щёлкали по плитке, поэтому Элиана перенесла вес на носки и пошла мягче, держась ближе к стене. Она миновала ряд автоматов с водой и снеками, свернула за угол, потом ещё раз и вышла в холл первого этажа.

Здесь даже дышалось иначе, чем в Третьем корпусе. Вместо старины, пыли и камня вокруг были пластик, стекло и люминесцентный свет. В воздухе витало что-то отдалённо напоминающее антисептик, замаскированный синтетическим ароматизатором.

Вокруг сновали редкие студенты, которые, как казалось Элиане, подозрительно на неё поглядывали. Она постаралась убедить себя, что ей просто кажется, ведь никто из них не мог знать, что её нахождение здесь незаконно.

Элиана шла, не останавливаясь и не оглядываясь, и старалась вести себя так, будто точно знает, куда идёт и зачем, хотя это было максимально далеко от истины. Но выглядеть растерянной точно было нельзя, потому что иначе не избежать вопросов.

Учебная часть медицинского факультета располагалась на втором этаже, в конце длинного коридора с окнами на внутренний двор. Элиана нашла её по указателям и подошла к двери, на которой висела табличка со временем приёма: пн-пт, 14:00–16:00. Она сверилась с часами на запястье, те показывали 17:40. Значит, вряд ли кто-то выйдет и застанет её здесь. На стене висел застеклённый стенд с расписанием занятий, распечатанным мелким шрифтом на нескольких листах.

Элиана остановилась перед ним и принялась изучать содержимое. Расписание было разбито по неделям и подгруппам: лекции, семинары, практические занятия в анатомическом зале. Потоковые пары в аудитории-амфитеатре, рассчитанной на сотни студентов. В такой массе одно незнакомое лицо могло легко раствориться, как капля в море. С практическими занятиями дело обстояло иначе. Там собирались подгруппы по пятнадцать-двадцать студентов с именными списками и преподавателем, который знает каждого в лицо. На них никак не проскользнуть незамеченной, а вот лекции казались вполне реальными.

Под основным расписанием мелким курсивом были указаны факультативы и дополнительные семинары с пометкой «только для студентов медицинского и естественно-научного факультетов, регистрация через деканат».

Элиана пробежалась взглядом по строчкам, и знакомое чувство обиды вспыхнуло внутри. «Физиология шоковых состояний», «Основы экстренной доврачебной помощи», «Естественная регенерация: как ткани восстанавливают сами себя».

Это были базовые дисциплины о человеческом теле, доступные учащимся естественно-научных факультетов и будущим врачам, но наглухо закрытые для Резонатов.

Однако именно эти знания были жизненно необходимы Элиане. В день аварии она действовала вслепую, отдав свою энергию почти полностью. Знание классической медицины позволило бы использовать способности точнее и аккуратнее, ведь именно в сочетании науки Констант и магии Резонатов скрывалась настоящая сила, уходящая корнями в историю и давшая начало в том числе этому Университету. Но сейчас её боялись, желая запретить или жёстко контролировать. Константы не могли выдержать того, что в мире существовали силы, им недоступные и непонятные.

Рядом с расписанием висел список рекомендованной литературы для каждого курса. Элиана пробежала его глазами, пытаясь запомнить. Но информации было слишком много, поэтому, наплевав на осторожность, она достала телефон и начала фотографировать всё подряд: расписание, литературу, спецкурсы.

Руки слегка дрожали, и периодически ей приходилось делать кадр несколько раз. Стекло витрины бликовало под люминесцентными лампами, и приходилось менять угол, чуть наклоняя телефон то в одну, то в другую сторону, чтобы буквы не тонули в отражении. Она как раз навела камеру на последнюю страницу, где перечислялись даты коллоквиумов и промежуточных аттестаций, когда за спиной раздался голос:

— Вы что-то ищите?

Элиана вздрогнула и быстрым движением убрала телефон в карман. Вышло слишком суетливо и испуганно, будто она делала что-то незаконное, и это могло её выдать.

Она обернулась и пересеклась взглядом с парнем примерно своего возраста. Он стоял у двери кафедры с мокрой тряпкой в руке и стопкой бумаг под мышкой. Кудрявые, непослушные волосы льняного цвета падали на лоб. Расчёска явно проиграла им сражение ещё утром и с тех пор не предпринимала новых попыток.

Парень был высоким, широкоплечим, но двигался немного неуклюже, будто вдруг почувствовал себя не в своей тарелке. Халат лаборанта явно не подходил по размеру, слишком сильно натягиваясь в плечах. Из-под коротковатых рукавов было видно запястья. В серо-голубых глазах читались любопытство и настороженность.

Она выпрямилась и посмотрела на парня прямо, чуть приподняв подбородок. Это было привычное движение: девушке ростом слегка за метр шестьдесят и весом едва ли больше полсотни килограммов приходилось компенсировать масштаб осанкой.

— Расписание лекций, — сказала она спокойно, спрятав замешательство. — Я пропустила четыре дня.

Он окинул её быстрым, но внимательным взглядом, и Элиана поняла, что он оценивает её внешний вид: твидовый жакет песочного цвета, шёлковую блузу с высоким воротником, лоферы из зернистой кожи, волосы, уложенные в витиеватый пучок, который утром отнял у неё пятнадцать минут. Её облик ни капли не напоминал типичную первокурсницу медицинского факультета на первой неделе занятий, выдавая в ней скорее студентку юридического, государственного или, на худой конец, искусств. Она почувствовала мимолётный укол досады на саму себя. Возможно, с этим же были связаны и взгляды в коридоре. Ей определенно стоило одеться проще...

— Первокурсница с нашего факультета? — переспросил он.

— Да, — ответила Элиана невозмутимо.

— Я бы вас запомнил, — заявил он и тут же слегка нахмурился, будто услышал собственные слова со стороны и не вполне их одобрил, и быстро добавил, будто оправдываясь: — В смысле, я помогаю в учебной части почти каждый день и уже знаю едва ли не всех на курсе. Вас не видел.

— Потому что меня здесь не было, — пожала плечами Элиана, отчего-то вдруг почувствовав себя гораздо увереннее, чем в самые первые мгновения. — Как я сказала, я пропустила первые дни и приехала только сегодня. Семейные обстоятельства.

Он кивнул, не допытываясь, и она отметила это с благодарностью.

А потом парень попытался переложить тряпку из руки в руку, отчего папки потеряли равновесие и полетели на пол. Следом за ними оказалась и тряпка, упавшая прямо ей под ноги. Несколько капель брызнули в стороны и попали на носки ботинок. Парень выругался себе под нос, извинился, избегая смотреть на неё, и присел на корточки, торопливо сгребая разлетевшиеся листы.

Элиана опустила рядом и принялась собирать ближайшие к ней страницы, машинально выравнивая их по краю.

— Спасибо, — он забрал у неё подобранную стопку и поднялся. — Не стоило, я бы и сам справился.

— Пожалуйста, — отозвалась Элиана, отряхнув ладони одну о другую.

Несколько секунд он смотрел так, будто она как минимум вытащила его из горящего здания.

— Маркус, — парень протянул ей руку, которая была испачкана мелом, и спохватившись, вытер ладонь о халат. — Маркус Ривен. Третий курс. Лаборант на кафедре, по совместительству грузчик, уборщик и козёл отпущения для всего преподавательского состава.

Элиана приняла рукопожатие, которое оказалось неожиданно мягким. После показательной крепости Виктора накануне это было даже приятно. Она убрала руку, пока заминка не стала слишком заметной, и представилась, назвав только имя:

— Элиана.

— Так вот, Элиана, — лёгкая улыбка тронула уголки губ, образовав ямочки на щеках, и изменила его лицо целиком, сделав открытым и лучезарным. — То расписание, которое вы фотографировали, уже неактуальное. Его обновили с утра, но ещё не успели повесить новое. Я могу дать вам последнюю версию, у меня есть файл.

Она кивнула, Маркус провёл рукой по волосам и скрылся в кабинете, видимо, задев что-то по дороге, потому что Элиана услышала грохот. Через минуту он вернулся с листом бумаги, ещё тёплым от принтера.

— Вот. Полное расписание на семестр. Здесь всё, кроме графика экзаменов, его пока не утвердили.

Элиана взяла лист и пробежала глазами по строчкам. Изменения были незначительными — время интересующих её лекций осталось прежним.

— Спасибо, — сказала она и убрала лист в сумку.

— Не за что, — Маркус хмыкнул и пожал плечами. — Вам нужны конспекты за первую неделю? У меня остались прошлогодние, я могу найти, если хотите. Они, конечно, не совсем совпадут с программой, ведь Лейтон каждый год что-нибудь меняет... Но структура та же.

Элиана посмотрела на него долгим оценивающим взглядом. Этот парень предлагал помощь просто так, без расчёта и очевидной причины, что сбивало с толку. Она привыкла к тому, что люди хотят что-то взамен, потому что выросла в мире, где все относились друг к другу с осторожностью — особенно Константы, если узнавали, что перед ними Резонат. Так что открытость и бескорыстная помощь незнакомцам казалась такой же редкостью, как Проводники.

— Было бы очень кстати, — ответила она, и Маркус улыбнулся шире. Ямочки на щеках снова притянули её взгляд.

— Мне нужно пару дней, чтобы их откопать. Впереди как раз выходные... Так что, вероятно, в понедельник будут, — затараторил он и поправил падающие на лоб кудри. — Я здесь каждый вечер по понедельникам, вторникам и четвергам.

Его взгляд притягивал её к себе, как магнит.

— Обычно до восьми, иногда чуть позже, — продолжал Маркус. — Если понадобится что-то ещё, заходите. Здесь, правда, не самое весёлое место по вечерам, но я всегда рад поболтать.

Элиана позволила себе короткую, едва заметную, но искреннюю улыбку.

— Буду иметь в виду.

— Хорошо.

Они постояли друг напротив друга ещё секунду, пока Элиана не осознала, что не уходит, хотя разговор уже завершился. Он тоже не двинулся, и в коридоре, залитом белым светом, повисла хрупкая тишина.

— Мне пора, — сказала она наконец.

— Конечно, — он выпрямился и слегка отступил в сторону. — До встречи.

— До встречи, — кивнула Элиана и пошла по коридору, не оглядываясь назад.

Она прошла два поворота, прежде чем позволила себе замедлить шаг.

Маркус вёл себя совсем не так, как другие Константы, с которыми ей доводилось иметь дело. Но, вероятно, это объяснялось тем, что он попросту не знал, кто она на самом деле, и считал своей. Будущим врачом, а не Резонатом, который прокрался туда, где ему не положено быть.

Сжав ремень сумки, Элиана направилась к выходу, решив пройти через центральный. Так можно было на миг представить, что нет никакого разделения, и она имеет такое же право здесь учиться, как и все остальные.

Когда она вышла на улицу, вечернее солнце уже золотило верхушки деревьев. Элиана направилась к Третьему корпусу, чувствуя, как сердце бьётся чуть быстрее обычного, хотя для этого не было никакой физической причины. В комнате в ящике стола лежала визитка Виктора с адресом Тайного Ордена, в папке сложенный напололам драгоценный лист, добытый тем же способом, каким она часто получала нужное: смелостью, граничащей с безрассудством, и совсем немного хитростью. В голове, упрямо и некстати, всплывала улыбка с ямочками на щеках, которая меняла всё лицо целиком. Элиана поднялась по винтовой лестнице на четвёртый этаж, отперла дверь и села за стол. Положив рядом два расписания, она долго сравнивала их, ища временные зазоры и выбирая, какие пары можно безболезненно прогулять, чтобы соединить эти два несовместимых мира. Потом достала тетрадь и открыла чистую страницу. В собственной таблице некоторые дни она пометила сразу двумя цветами: синим для юридического, красным для медицинского. Отложив ручку, она потёрла глаза и подумала о том, что прошла всего неделя, а у неё уже есть собственное тайное расписание и знакомый на кафедре медфака. Может быть, учёба здесь будет не такой уж ужасной.

Иллюстрация к главе:

Глава 7. Особая забота

Первая учебная неделя подходила к концу. Элиана направлялась на последнюю пятничную пару — спецкурс для Резонатов «Правовые аспекты применения дара».

Аудитория, где он проходил, располагалась на цокольном этаже Третьего корпуса. Окна с решётками, увитыми виноградной лозой, светились узкими полосами под самым потолком. Когда-то это помещение, вероятно, использовалось для практических занятий по защитной магии, где требовалось ограничить распространение чар. Об этом можно было догадаться по характерным повреждениям на стенах.

Теперь же здесь собирались зарегистрированные Резонаты с юридического факультета и гуманитарных наук, чтобы выслушать очередную порцию официальных наставлений, а если иными словами, то инструкцию о том, как не отсвечивать.

Студентов было не больше тридцати, и Элиана украдкой оглядела их, пока шла к свободному месту в среднем ряду. Почти все держались обособленно, не переговариваясь между собой. После войны, где было множество перебежчиков, работающих на Констант, Резонаты привыкли не доверять даже своим. И это, конечно же, было только на руку Управлению.

Доцент Ингрид Морлей вошла в аудиторию за пять минут до начала пары с сумкой из коричневой кожи через плечо и со стаканом воды в руке. На вид ей было около сорока. Кудрявые волосы примерно до плеч были подхвачены бордовым ободком, крупные очки с дужками того же цвета висели на носу. Всё это, вместе с шерстяным кардиганом цвета увядающего мха и длинной юбкой с воланами, создавало образ тётушки из соседнего дома, а не университетского преподавателя. На шее поблёскивала маленькая брошь в виде весов — той самой стилизованной эмблемы, что появилась на новом гербе Веритаса в знак Равенства между Резонатами и Константами.

Она широко улыбнулась, оглядывая аудиторию, положила папку на стол и произнесла: — Добрый вечер, дорогие студенты.

В голосе слышалась мягкая певучая интонация. Вместо того, чтобы расположить к себе, она вызвала лишь внутреннюю тревогу.

— Прежде чем мы перейдём к материалу сегодняшнего занятия, я бы хотела сказать, что этот курс — наша общая возможность. Я хочу научить вас жить в обществе таким образом, чтобы оно смогло вас принять. Многим это знание сохранит карьеру, а кому-то, не побоюсь этого слова, свободу.

Элиана еле заметно поморщилась. Голос и манеры Морлей напоминали звонкую, но фальшиво исполняемую песню, от которой сводило зубы.

— Сегодня мы поговорим о классификации, — продолжила она. — Я хочу, чтобы каждый из вас понимал, к какой категории Резонатов относится он сам, какие риски с этим связаны и какие меры предосторожности следует предпринимать, дабы не создавать неприятностей ни себе, ни окружающим, — она сделала многозначительную паузу, будто открывала никому не известную истину, хотя на самом деле читала строго по методичке.

— Зарегистрированные Резонаты, согласно действующей классификации, делятся на три основных типа в зависимости от природы дара...

Кончик серебряной ручки чертил в воздухе невидимые линии, словно она рисовала схему прямо перед собой.

— Виталисты, Когнитивы и Эмотивы. Я попрошу вас записывать, потому что официальные названия пригодятся вам при заполнении различных официальных форм на протяжении всей жизни.

Элиана раскрыла тетрадь и взялась за ручку. От формулировки «на протяжении всей жизни» ей стало не по себе. Хотелось надеяться, что здесь доцент всё же ошибается.

— Виталисты — самая многочисленная группа и, прямо скажем, наиболее благополучно интегрированная в общество. Их дар связан с материей и физическим телом, что делает его прикладным, понятным и в целом полезным. Среди вас, я полагаю, преобладают именно Виталисты, и это хорошая новость. К ним относятся, например, садовники, способные влиять на рост растений, что превосходно подходит для работы в сельском хозяйстве и оранжереях. Архитекторы, чувствующие техническое устройство предметов, нашли себе применение в реставрации и инженерном деле. Телекинетики незаменимы на тяжёлых производствах и в строительстве, а те, кто способен ускорять движение воздушных масс или управлять температурными колебаниями, крайне востребованы в энергетике. Иными словами, для большинства из вас существует широкий диапазон профессий, в которых ваш дар не только разрешён, но и приветствуется.

Морлей снова сделала паузу и оглядела каждого в аудитории, проверяя, что тот записывает.

— Молодой человек, — растягивая все гласные, обратилась она к парню в заднем ряду, который, вероятно, отвлёкся. — Вы так уверены, что данная информация вам не пригодится, что пренебрегаете конспектом?

Элиана оглянулась и увидела, как рыжеволосый парень что-то пробормотал себе под нос и резко схватился за ручку.

— Продолжим, — Морлей пригладила юбку, явно довольная собой. — Особняком в этой группе стоят редкие уникальные случаи. Например, Проводники. Они способны перенаправлять жизненную энергию от одного носителя к другому. Подтип редкий и, замечу, исторически непростой, поэтому государство проявляет к нему особую заботу. Тем из вас, кто принадлежит к этой категории, я настоятельно рекомендую обратиться в местное Управление по делам Резонатов, если вы ещё этого не сделали.

Обычно ровный и мелкий почерк Элианы слегка поплыл на слове «Проводник». Она заставила себя успокоиться, чтобы случайно не выдать лишнего, ведь несложно было догадаться, что скрывалось за словами про «особую заботу».

— Когнитивы, — продолжила между тем доцент, переходя к новой странице, — представляют собой следующую группу. Их дар работает через восприятие и разум, и именно

поэтому к ним применяются наиболее строгие меры регламентации. Здесь мы различаем три подтипа. Иллюзионисты способны воздействовать на восприятие, заставляя окружающих видеть то, чего нет, или не замечать того, что есть. Инверторы обладают способностью изменять память — стирать, замещать, иногда вшивать в чужое сознание ложные воспоминания. Телепаты, как нетрудно догадаться, читают мысли при достаточно близком контакте.

По аудитории прошёл едва уловимый шорох. Элиана краем глаза заметила, что девушка справа слегка ссутулилась, словно желая стать меньше. В голове возникла небольшая галочка: держаться невозмутимо во что бы то ни стало.

— Я обязана сказать вам прямо, — голос доцента Морлей приобрёл оттенок дружеского предостережения, — что Когнитивы всех трёх подтипов относятся к группе повышенного риска не только для окружающих, но и для самих себя. Длительное использование дара в этой категории сопряжено с тяжёлыми последствиями для психики. Многие из тех, кто пренебрегал рекомендациями и применял свои способности без должного контроля, в течение нескольких лет утрачивали способность отличать собственные мысли и воспоминания от чужих. Психиатрические клиники нашей страны, к сожалению, могут это подтвердить. Поэтому я настоятельно прошу тех из вас, кто относит себя к Когнитивам, относиться к собственному дару с предельной серьёзностью и не использовать его даже в бытовых ситуациях, какими бы безобидными они ни казались.

Она остановилась, отпила воды из стакана и продолжила:

— И наконец, Эмотивы. Группа малочисленная и, прямо скажем, изученная хуже остальных. По характеру дара принято выделять два подтипа. Аффекторы способны передавать собственные эмоции окружающим и заражать других своим состоянием. Эмпаты, напротив, считывают эмоции других людей, иногда настолько тонко, что испытывают их как собственные.

Доцент Морлей помедлила, и в её голосе появилась сочувственная нота:

— Эмотивов на всю страну, по последним данным, насчитывается не более сотни. Но эта цифра, скорее всего, занижена, поскольку многие носители дара живут, не зная о своей природе. Их состояние принимают за психическое расстройство, лечат соответствующим образом, и они проводят жизнь в клиниках, не подозревая, что причина их страданий имеет иную природу. Печально, но это так. Поэтому, если кто-то из ваших близких проявляет необъяснимые перепады настроения или странную чувствительность к чужим переживаниям, я прошу вас рекомендовать им обратиться в Управление. Это в их же интересах.

В аудитории повисла тишина. Кажется, многие боялись даже громко дышать.

— А теперь перейдём к рассмотрению конкретных статей Акта о Социальной Интеграции, регламентирующих применение дара каждой из перечисленных категорий, — подытожила доцент Морлей.

Оставшийся час студенты старательно записывали формулировки, касающиеся каждой из категорий Резонатов.

Когда время вышло, доцент снова широко улыбнулась аудитории:

— Я хочу поблагодарить вас за внимание и напомнить, что любые вопросы, которые покажутся вам неудобными для обсуждения в аудитории, вы всегда можете задать мне лично, в часы консультаций по средам. Дверь моего кабинета открыта для каждого из вас.

Элиана закрыла тетрадь, поднялась со стула и направилась к выходу одной из первых, потому что чувствовала острую необходимость оказаться вне аудитории прежде, чем доцент Морлей успеет хотя бы взглянуть в её сторону.

Она спускалась по гулкой каменной лестнице Третьего корпуса, на ходу застёгивая пальто. Сердце колотилось в груди как бешеное, а собственное тело ощущалось некомфортным, словно кожу вымазали в липком сладком сиропе. Знакомый голос окликнул снизу, и Элиана вздрогнула от неожиданности.

— Эли! Слава богу, я тебя поймала! Ты ходишь как привидение, тебя вечно невозможно найти!

Рози стояла у подножия лестницы, прислонившись к перилам, и в косых лучах закатного солнца, падавших через стрельчатое окно, выглядела так, словно кто-то обвёл её контур золотой поталью. На ней было платье цвета пыльной розы, поверх него — вязаный кардиган на два размера больше нужного, а в волосах, собранных в небрежную косу, запуталась засохшая веточка гипсофилы, которую Рози либо не заметила, либо специально вставила как аксессуар.

— Меня можно найти в комнате, — возразила Элиана, спускаясь к ней. — Ты же знаешь, я не люблю шум и людные места.

— И сидишь в башне целыми днями, как затворница... — протянула Рози и подхватила подругу под руку привычным жестом, который вызвал бы у Элианы немедленное желание отступить, будь это любой другой человек. — Слушай, у меня к тебе дело. Вернее, не дело, а приглашение. Но я тебя знаю... Ты сейчас начнёшь отказываться, я начну тебя уговаривать, и мы потратим двадцать минут на то, что могли бы решить за тридцать секунд, если бы ты просто сказала «да».

— Я ещё даже не услышала вопрос.

— У моей группы сегодня концерт. Небольшой, но важный. В университетском клубе «Подвал», знаешь? Он в цокольном этаже Часовни, там раньше было что-то вроде погреба, а теперь — место для встреч. Мы с группой играем в девять. Приходи, пожалуйста, ты ведь ещё ни разу не слышала нас в новом составе.

Элиана посмотрела на Рози взглядом, который за годы дружбы та научилась безошибочно переводить как «нет».

— Рози...

— Нет, подожди... Ты целую неделю просидела в башне, и я тебя видела ровно два раза. Ты бледная, у тебя круги под глазами, а когда я спрашиваю, как дела, ты отвечаешь «нормально» таким тоном, будто кто-то умер.

— Но у меня действительно всё нормально.

— Вот именно это я и имею в виду, — Рози сжала её локоть чуть крепче и заглянула в лицо. Зелёные глаза были полны тревоги и мольбы, которым невозможно было противиться или возражать. Рози оперировала эмоциями, и логические аргументы тут были бессмысленны. — Эли, пожалуйста. Один вечер. Посиди, послушай музыку, выпей что-нибудь. Я же не прошу тебя танцевать...

— Звучит утешительно, — Элиана улыбнулась уголками губ.

— И ещё, — Рози чуть помедлила, и по её лицу скользнуло выражение, которое Элиана наблюдала нечасто: смесь смущения и блеска в глазах, будто она изо всех сил пыталась, но никак не могла сдержать улыбку. — Я хочу тебя познакомить с нашим новым гитаристом. Его зовут Чарли. Чарльз, вообще-то, но для своих — Чарли. Он присоединился к нам в прошлом семестре, и он... Ну, очень талантливый.

Рози произнесла слово «талантливый», но её мечтательный голос мог поведать гораздо больше. Что-то вроде: «Я думаю о нём перед сном, и мне от этого одновременно тепло и страшно». Элиана хорошо знала этот тон, хоть и слышала его всего дважды за годы дружбы. Оба раза история заканчивалась тем, что Рози плакала у неё на плече, потому что мальчики оказывались либо глупыми, либо ветреными, либо и то и другое одновременно.

— Угу, талантливый, — повторила Элиана с ноткой сарказма.

— Очень, — подтвердила Рози, не считав этого, и её щёки порозовели. — Он играет так... Знаешь, когда Чарли играет, то понимаешь, что он по-настоящему чувствует музыку, как будто разговаривает с помощью неё на особом языке. А это дано далеко не каждому. Я точно знаю, потому что почти год искала нужного человека...

Рози смотрела куда-то мимо Элианы с рассеянной, мягкой улыбкой. Если уж она влюблялась, то без остатка, осторожности и запасных выходов. Это было красиво и опасно, как цветение ядовитых растений.

— Хорошо, — кивнула Элиана. — Я приду.

Рози моргнула, вынырнув из своего мечтательного состояния, и с радостным изумлением уставилась на подругу.

— Правда? — она всплеснула руками. — Даже без двадцати минут уговоров?

— Без них. Но я приду к девяти и уйду в одиннадцать. И если там будет слишком громко, то сяду в дальний угол и надену наушники.

— Наушники на живом концерте. Ты невозможна! — Рози хмыкнула, быстро её обняла, обдав запахом сирени, и тут же отпустила. — В 20:55 около входа в ваше общежитие. Оденься красиво!

— Я всегда одеваюсь красиво, — сказала Элиана вслед уже почти упорхнувшей Рози, и та, обернувшись на ходу, послала подруге воздушный поцелуй.

Девять часов неумолимо приближались. Элиана сидела на кровати и бесцельно пялилась в окно. Она могла бы посвятить этот вечер подготовке к семинару Тэтчера, перечитать дело, где разбирался кейс Линды Фаррелл — первого Резоната, сумевшего выиграть апелляцию против принудительной регистрации дочери, посмотреть фильм или почитать книгу. Но вместо этого Элиана должна была собираться в студенческий ночной клуб. Кажется, сама идея этого отнимала силы, потому что весь вечер она провела в прокрастинации, не сумев заставить себя ни учиться, ни нормально отдохнуть.

Элиана усмехнулась, а потом с усилием, будто преодолевая сопротивление собственного тела, поднялась и подошла к шкафу.

Зеркало на двери отразило её целиком, и несколько секунд она рассматривала собственное отражение с критическим прищуром.

Под глазами залегли тени, а кожа имела уже привычный молочно-прозрачный оттенок, который можно было деликатно охарактеризовать как «аристократическую бледность».

Элиана перебрала вещи на вешалках. Она взяла с собой в университет немного одежды. В основном то, что мать называла «подходящим для учебного заведения», а Рози — «гардеробом сорокалетней жены сенатора».

Рози сказала «одеться красиво». Она имела в виду что-нибудь лёгкое, женственное и открытое, но Элиана не умела быть лёгкой. Она собрала волосы в низкий пучок, украсив его тонкими косами и оставив у лица несколько прядей, и посмотрела на себя снова. Вышло, как обычно, строго и холодно. Но такой облик давно стал своеобразной бронёй, дающей чувство защищённости.

Да и в клуб она собиралась идти не ради музыки или знакомств, как обычные подростки, а только потому, что Рози говорила о гитаристе Чарли голосом, в котором уже звучала сдача всех крепостей.

Элиане нужно было увидеть его и решить, стоит ли тревожиться или Рози наконец повезло, и этот парень не окажется катастрофой в красивой обёртке.

Ситуация могла показаться смешной, если вдуматься. Элиана была младше Рози на год, но с самого детства оказывалась той, кто стоял между подругой и миром, который так и норовил ей навредить. Рози шла по жизни без панциря, готовая доверять каждому встречному, и оттого нередко обжигалась. Элиана же жила с ожиданием угрозы, которое отражалось на лице, поэтому встречи, как правило, предпочитали обходить её стороной. Она была этому только рада, ведь если выглядеть так, что никто не решится с тобой заговорить, можно избежать многих разочарований.

Элиана взяла ключ от комнаты, убрала его в карман жакета и помедлила у двери. Рука легла на прохладную ручку, но мысли вдруг унесли её в прошлое. В тот самый день, когда она впервые использовала дар.

Иллюстрация к главе:

Глава 8. На грани

Та осень была тёплой. Она раскрасила деревья в яркие цвета, и ученики проводили много времени на улице.

Элиане едва исполнилось двенадцать, а Розы уже готовилась праздновать тринадцатилетие. Они были знакомы с детства, потому что жили тогда в одном районе, и даже разные классы не помешали им оставаться друг другу единственными лучшими друзьями.

Розы была тоненькая, как стебелёк, с огромными глазами на заострённом лице. Бледная кожа выглядела почти прозрачной, а копна золотистых волос светила в лучах солнца как ореол.

Девочку с такой внешностью было невозможно не заметить, и это имело обратную сторону: многим хотелось её задеть. Тихая, странная и немного не от мира сего, Розы просто не знала, как на это отвечать, предпочитая всё игнорировать.

Она с трепетом ждала пробуждения семейного дара — умения ускорять рост растений. Её мать, известная на весь город флорист, готовилась праздновать день, когда любимая дочь станет продолжением цветочной династии. Но магия Розы сыграла с ней злую шутку, причём в самый неподходящий момент.

На один из уроков биологии она принесла свою коллекцию полевых цветов. Альбом Розы собирала явно не один день. На жёстких белых листах лежали ромашки, колокольчики, анемон, безвременник и ещё десяток полевых цветов. Название каждого она вывела тонким каллиграфическим почерком.

Она положила альбом на парту и принялась рассказывать соседке, как можно распознать растения по форме лепестка или рисунку прожилок. Парень с парты впереди обернулся, окинул альбом брезгливым взглядом и бросил язвительное:

— Это тебе вместо нормальных букетов, да? Их ведь тебе никто не подарит!

По классу прокатились смешки, с задних парт заулюлюкали. Розы застыла, сжав губы в тонкую линию. Рука над раскрытым альбомом мелко задрожала, и анемон под её пальцами начал темнеть.

По желтоватой бумаге, прямо на глазах у сидящих вокруг учеников, стремительно поползла серая бархатистая плесень. Через несколько мгновений она добралась до лепестков и сожрала хрупкий цветок. На его месте осталось мерзкое пятно гнили, вокруг запахло сырým подвалом.

Парень за соседней партой резко отпрянул и едва не перевернул стул. Насмешливое выражение на его лице сменилось испугом и брезгливостью. Он ткнул пальцем в испорченную страницу и заорал:

— Жесть, я же говорил! С ней рядом даже стоять стрёмно, она ядовитая!

Слухи быстро поползли по школе, и вскоре Розы не называли иначе, чем Плесень или Поганка. Следом начались насмешки и тычки. Потом появились гнилые огрызки в пенале и мухоморы, нарисованные на парте.

Особенно сильно ей доставалось от Сэма Бартонa, который учился на класс старше, но был известен на всю школу. В свои тринадцать он выглядел крупнее большинства ровесников, с маленькими глазками на крупном лице. Обычно Сэм ходил в компании приятелей, и вместе они третировали школу с завидной методичностью. Розы сносила всё молча, не пытаясь жаловаться преподавателям или давать отпор. Она стала ещё тише и всё время прятала руки в слишком длинные рукава свитеров, до ужаса боясь случайно прикоснуться к чему-то и снова оставить после себя след тлена. Её родители пытались вмешиваться — ходили к директору, классному руководителю и школьному психологу. Те слушали, кивали и произносили примерно одно и то же: «мы разберёмся», «мы поговорим», «дети бывают жестоки, но это пройдёт».

Но становилось только хуже.

Обычно Розы с Элианой вместе шли из школы, дожидаясь друг друга после уроков и расставаясь только на последнем перекрёстке, где пути к их домам расходились в разные стороны. В тот день Элиана задержалась на рисовании и опоздала на несколько минут, которые стали решающими. На привычном месте Розы не обнаружилось, и тревожное предчувствие сразу охватило её. Пришлось бежать вокруг школы в поисках подруги, и та нашлась на узкой дорожке между хозяйственных построек.

Розы лежала на мокром асфальте без сознания, из её головы текла кровь. Рядом валялся распотрошённый рюкзак. Тетрадки, пенал и остатки обеда были раскиданы по тротуару. Сэм стоял шагах в десяти, держа в руках маленькую холщовую сумку, в которой Розы носила свои сокровища: пузырьки с сушёными лепестками, цветные камешки и крохотный блокнот, куда она записывала стихи для будущих песен. Он помахивал этой сумкой, как трофеем, ухмыляясь. Розы, как она объясняла потом сама, побежала за ним, пытаясь отобрать сумку, споткнулась о бордюр и ударилась головой о край каменной клумбы. Падение вышло неудачным.

Элиана увидела эту картину и закипела изнутри. Вид Розы, лежащей в луже собственной крови, сорвал последние предохранители, и её охватило яростное желание мести и справедливости.

Отчаянная жажда мести и справедливости, что жила в ней с самого детства, впервые обрела вполне реальную форму.

Она подошла к Сэму. Тот был на голову выше и вдвое тяжелее, но, увидев её лицо, инстинктивно попятился. Элиана схватила его за запястье и дёрнула в сторону Розы. Она не знала, откуда в ней взялась сила, чтобы сдвинуть его с места, но через секунду её левая рука уже касалась подруги. Пальцы сомкнулись на чужих запястьях, и мир раскололся на части. Тогда она первый и единственный раз в жизни была Проводником в прямом смысле этого слова: забирая энергию от одного и отдавая другому.

Она никогда прежде не делала этого осознанно. Раньше дар проявлялся случайными вспышками и не заходил дальше считывания состояний. Прикоснувшись к бабушкиному ожерелью, она почувствовала её болезнь, а взяв в руки книгу из библиотеки, считала энергетику

владельца. Но то были лишь отголоски её настоящего дара. Она тянула из Сэма жизненные силы отчаянно и жадно, на грани возможностей своего тела, которое ещё не до конца знало, на что способно. Его энергия была мутной и тяжёлой, как болотная вода, наполненная жестокостью и самодовольством.

Энергия текла к ней, подчиняясь Резонансу. Элиана не останавливалась, и Сэм с каждой секундой становился всё слабее и бледнее. Его рот беззвучно открывался, потому что на крик уже не хватало сил.

На долю секунды, растянувшуюся в вечность, ей понравилось это ощущение. Осознание, что тот, кто причинял боль слабым, сам становится слабым и беспомощным под её рукой. Жажда справедливости и власть над чужой жизнью смешались, став на вкус неотличимыми от мести.

Потом кто-то оттащил её. Чья-то рука обхватила поперёк живота и разорвала контакт. Связь оборвалась с такой резкостью, что Элиану вырвало прямо на тротуар. Бледный, как восковая фигура, Сэм лежал на асфальте и не двигался.

Раны на голове Розы прошли, будто их никогда и не было. Она выглядела лучше и свежее, чем раньше, но в глазах был неподдельный ужас.

Сэм Бартон ещё две недели не ходил в школу, а врачи не нашли ничего, что объяснило бы его состояние. Родителям Элианы стоило огромных денег и ресурсов сделать так, чтобы этому делу не дали хода и огласки. Её едва не забрали на домашнее обучение, а после давления директора перевели в элитную гимназию, где мать строго-настрого велела не отсвечивать.

Сэм выжил и больше не трогал ни Розы, ни других учеников, а к концу четверти перевёлся тоже в другую школу. Элиана больше никогда о нём не слышала, но память о том дне осталась, впечатанная в неё глубже, чем шрамы на коже.

С тех пор она боялась не столько своего дара, сколько того мгновения удовольствия, которое почувствовала, когда жизнь того, кто казался злом, перетекала к тому, кто казался добром.

В тот миг Элиана ощущала себя слишком могущественной и особенной. Способной судить, защищать и карать. И было по-настоящему страшно, что где-то внутри неё, под слоями воспитания, книг и притч о милосердии, живёт существо, которому понравится эта власть. И однажды оно снова поднимет голову.

Элиана вышла из Третьего корпуса, когда сумерки уже загустели до чернильного оттенка, и небо превратилось в тёмный потолок, нависший над кампусом. В этот час он был почти пуст: большинство студентов либо разъехались на выходные, либо засели по комнатам.

Элиана предпочла бы поступить так же. Она не хотела идти, и разум сейчас сопротивлялся любому отклонению от привычной орбиты, где можно было остаться в комфортном, обжитом одиночестве.

У развилки между Третьим корпусом и Часовней, окутанная светом фонаря, стояла Роза в длинном нежно-сиреневом платье из шифона и кремовом кардигане. Её золотистые волосы спускались на плечо свободной косой с вплетёнными живыми цветами.

Она была не одна. Рядом, явно чувствуя себя не в своей тарелке, переминался с ноги на ногу высокий худой парень в очках с толстой оправой. Коротко стриженные чёрные волосы торчали над левым ухом упрямым вихром, который он время от времени приглаживал нервным движением, не добиваясь ровным счётом ничего. На нём была зелёная рубашка, застёгнутая до последней пуговицы, и потёртый рюкзак, из которого торчал край компьютера и моток кабеля неопределённого назначения. Большие глаза болотного цвета смотрели с настороженным любопытством, которое показалось Элиане знакомым. Она тоже была из тех, кто привык больше наблюдать, чем участвовать.

— Эли! — воскликнула Роза, замахала рукой и потянула парня за локоть, подводя его ближе. — Познакомься, это Пол Хартман. Он со второго курса инженерного факультета, мы

вместе играем в группе. Ну, то есть он не играет, а делает нам звук, свет и вообще всю технику. Без него мы бы до сих пор пели в акустике при свечах.

Пол моргнул, поправил очки и неловко улыбнулся.

— Привет, — сказал он негромко. — Розы про тебя много рассказывала.

— Надеюсь, не всё, — отозвалась Элиана.

— Пол — Резонат, как и мы, — заговорщически пояснила Розы. — Архитектор. Он может починить что угодно. Прошлой зимой у нас сломалась микшерная консоль за двадцать минут до концерта, а он просто положил на неё руки и...

— Розы, — мягко перебил Пол, заливаясь краской. — Я просто перепаял контакт.

— Магией! Он перепаял контакт магией. Руками, без паяльника. Потому что видит, как устроены вещи изнутри, и может направлять энергию в нужные цепи. Это потрясающе!

Пол отвёл взгляд в сторону с таким видом, будто хотел провалиться сквозь гравий, Розы же сияла искренней гордостью.

Элиана посмотрела на этого парня внимательнее. Такой друг был бы очень полезен, например, если понадобится перепрограммировать пропуск, открывающий двери, за которыми ей не положено находиться.

— Приятно познакомиться, Пол, — произнесла она чуть приветливее, чем обычно знакомым людям. Губы тронула сдержанная улыбка, прибережённая для тех, в ком Элиана видела потенциальную ценность. — Наверное, нам пора идти.

Пол кивнул и быстро, мельком посмотрел на Розы, которая уже убежала вперёд, увлекая их за собой по аллее. На ходу она рассказывала, какую песню они будут играть первой, и о новой аранжировке, которую придумал Чарли. Говорила, что акустика в «Подвале» странная, потому что своды там каменные и низкие, но ей это даже нравится, и голос звучит интимнее.

Элиана шла рядом с Полом, они оба молчали. Между деревьями мелькали огоньки фонарей, а упавшие листья шуршали под ногами. Она думала, как выглядит магнитная полоса на студенческом билете глазами Архитектора. Разумеется, просить Пола об услугах она не собиралась, по крайней мере пока, но мысль об этом уже заняла своё место в сознании, подобно папке с материалами дела, до которой рано или поздно дойдёт очередь.

Они приблизились к клубу «Подвал», который оказался ровно тем, что обещало название.

Вход располагался со стороны внутреннего двора Часовни за неприметной дверью, на которой висели меловая табличка «Подвал» и стрелка вниз. Крутая и узкая лестница вела в помещение с арочными сводами, когда-то служившее погребом, а теперь превращённое в студенческий клуб. Место ощущалось обаятельно небрежным и явно обставленным без большого бюджета, но с любовью.

Вдоль стен расположились разномастные столики, ни один из которых не совпадал с другим по высоте и форме. Свечи в тёмных бутылках из-под вина стояли на каждом из них, отбрасывая рыжие блики и наполняя помещение дымкой, под потолком были развешены ретро-лампы, создающие уютную атмосферу.

В дальнем конце зала была сцена, если можно так назвать деревянный помост, на котором стояли микрофонная стойка, барабаны, синтезатор и пара колонок. Рядом валялся клубок проводов, в котором непосвящённый заблудился бы, как в лабиринте. Зал был заполнен примерно на две трети. Студенты сидели за столиками, стояли у барной стойки, перемещались между группами, смеялись и жестикулировали.

Всё это было слишком. Элиана пожалела, что согласилась прийти, едва спустившись по лестнице. Какофония звуков и запахов волной накрыла её. Разговоры, смех, звон стекла и фоновая музыка накладывались друг на друга, становясь похожими на бессмысленный гул. Кто-то настраивал гитару, и Элиана поморщилась от фальшивых нот.

В нос ударил аромат приторного парфюма, алкоголя и свечного воска. Всё это перегружало сенсорную систему, которая и без того работала на пределе.

Обычно Элиана хорошо умела контролировать дар, выпуская его только тогда, когда хотела сама, а не при каждом случайном прикосновении. Но в толпе, где телесного контакта становилось слишком много, это было сложнее.

Она привыкла к тишине своей комнаты, просторным аудиториям или общению с людьми один на один на безопасном расстоянии. Но здесь, в тесноте, соблюдать границы не представлялось возможным, и её дар начал резонировать с чужой энергией. Отголоски состояния каждого человека, которого она касалась, проникали внутрь, и Элиана тонула в этом, как в болоте.

Она остановилась у подножия лестницы и сделала медленный вдох. Это была техника, которой её научили ещё в детстве: представить невидимый кокон и возвести его вокруг себя. Так внешняя энергетика перестала проникать в неё бесконтрольно, а звуки хоть и не стали тише, но больше не вызывали тошноту.

— Ты в порядке? — Рози коснулась её локтя, наклонившись к уху.

— Да. Просто людно.

— Вон там, в углу, есть свободный столик. Пойдём займём, а то уведут, а потом мне надо за кулисы.

Рози провела её сквозь толпу, ловко лавируя между телами. Пол шёл следом, сутулясь ещё сильнее, чем на улице. Столик оказался крошечным, зато рядом были сразу две стены, и Элиана села в самый угол, чтобы кирпичная кладка касалась спины. Это было иррационально, но помогало: хотя бы здесь можно было не ждать чужого прикосновения.

Пол сел с другой стороны столика, положил рюкзак на колени и замолчал, глядя на сцену со слишком сосредоточенным выражением.

Рози наклонилась к Элиане и, перекрикивая общий гул, проговорила ей почти в самое ухо:

— Мне нужно за кулисы, мы начинаем через пятнадцать минут. Я хотела тебя познакомиться с Чарли до выступления. Пойдём, он должен быть где-то здесь.

Она поднялась и ввинтилась в толпу, словно делала это уже сотню раз. Элиана пошла следом, стараясь не задевать плечами людей по бокам и инстинктивно обняв себя руками. Толпа расступалась перед Розой, и Элиана чувствовала себя маленьким судном в кильватере большого корабля.

Они встретили Чарли у сцены. Вернее, сначала слышали его смех. Он с широкой улыбкой болтал с компанией девушек, которые обступили его полуколыском. Чарли что-то шепнул одной из них и наклонился так близко, что его волосы слегка коснулись её щеки. Та залилась краской, пихнув подругу локтем. Он явно флиртовал, наслаждаясь каждой секундой чужого внимания. Но стоило ему заметить Розу, как Чарли легко оставил своих поклонниц, помахав им на прощание.

Он вынырнул из этой щебечущей толпы с гитарой через плечо и широкой улыбкой на загорелом лице. Чарли явно был из тех, кто чувствует себя уверенно в любом помещении, от бального зала до подвала. Немного отросшие каштановые волосы падали на лоб, а карие глаза с золотистыми искрами, поставленные чуть раскосо, создавали обезоруживающе обаятельный и немного лисий вид.

— Розы! — позвал Чарли и обнял её за плечи, перехватив гитару. — А это и есть Элиана? — уточнил он, оглядывая ту с головы до ног.

— Да, она самая, — хмыкнула Роза.

— Чарльз Данфорд, — представился Чарли. — Роза давно о тебе рассказывала, но никак не знакомила. Я уже начал думать, что ты плод её воображения, — пошутил он.

— Эли целыми днями сидит в башне и никуда не выходит. Мне пришлось постараться, чтобы вытащить её сюда, оторвав от юридических книг, — заявила Роза с гордостью.

В этот момент из-за спины Чарли шагнул ещё один человек, и Элиана на долю секунды забыла, как дышать.

Перед ней стоял тот самый лаборант с медицинского. Светло-русые кудри падали на лоб с прежним непокорным упрямством, а серо-голубые глаза, в которых сейчас плясали отблески свечей, смотрели чуть удивлённо.

Широкие плечи теперь скрывались под чёрной рубашке с закатанными рукавами, в этот раз по размеру. Сейчас он выглядел иначе, чем в коридоре около учебной части — неловкость и скованность полностью исчезли, а вместо мокрой тряпки и стопки папок в руке был стакан с чем-то тёмно-янтарным.

— О, привет, Маркус! Давно не виделись, — воскликнула Роза, заметив его, а потом перевела взгляд на Элиану. — Это Маркус Ривен, друг Чарли. Он на медицинском, третий курс. Маркус, это Элиана Таллис, моя лучшая подруга с детства. Она у нас на юридическом, первый курс. Резонат, как и я, — легко представила её Роза без умысла или осторожности. Это произошло так быстро, что Элиана не успела сориентироваться и вовремя её остановить.

Иллюстрация к главе:

Глава 9. Приглашение

Она подняла глаза и встретила взгляд Маркуса. Он её узнал, это было очевидно. Зрачки чуть расширились, уголок рта дрогнул, и на долю секунды между бровями залегла складка, которая тут же разгладилась. Но он не выдал её ни словом, ни жестом.

— Очень приятно, — произнёс Маркус совершенно спокойно и протянул ей руку, будто они никогда не встречались.

Рукопожатие длилось всего несколько секунд, как и требовали правила этикета. Элиана отстранилась первой.

— Взаимно, — кивнула она. Губы растянулись в дежурной улыбке, которая не затрагивала глаз.

Рози защелкала про выступление, жалуясь, что микрофон в прошлый раз фонил на высоких нотах, но Пол обещал это исправить.

— Нам пора за кулисы, — наконец спохватилась она, обращаясь к Чарли. — Начинаем через десять минут.

Элиана вернулась к столику в углу, Пол последовал за ней. Он сел с торца, поставив перед собой стакан с водой, и уставился на сцену, где Рози и Чарли настраивали инструменты.

Кто-то щёлкнул выключателем, и свечи на столах стали единственным источником освещения, не считая пары тусклых ламп над сценой.

— Сегодня у нас выступает любимая многими группа «Вечное лето», — объявил парень в больших наушниках, сидевший за диджейским пультом в углу. Он приглушил фоновый трек, заставив его звучать тише, и бодро крикнул в микрофон: — Встречайте!

Гул разговоров затих, и в наступившей тишине Рози подошла к микрофону.

Она оказалась в круге приглушённого света в своём нежно-сиреновом платье, которое слегка поблёскивало в свете софитов, и выглядела совсем миниатюрной на фоне каменных сводов. Чарли и другие члены группы встали слева, чуть позади. За барабаны сел длинноволосый парень рокерского вида, а за синтезатор — брюнетка с непослушными кудрявыми волосами.

Пальцы Чарли легли на гриф, заиграли первые ноты. А потом Рози закрыла глаза и запела.

Элиана давно знала, что подруга поёт красиво, потому что слышала её уже сотни раз: в детстве, когда та пела колыбельные куклам или представляла себя на сцене, используя пенал вместо микрофона, в школе на музыкальных классах, где она стеснялась и пряталась за чужими спинами.

Каменный погреб с его необычной, глухой акустикой менял голос Розы. Здесь он звучал совсем иначе, заполняя всё пространство целиком, от пола до потолка, как вода. Хрупкость и искренность пробирали до самой глубины души. Пол, сидевший рядом с Элианой, застыл и, кажется, даже перестал моргать. Он смотрел на Розу так, словно она была единственным источником света во всём подвале. Возможно, для него так оно и было.

Стул рядом скрипнул, и Элиана вздрогнула. Повернувшись, она увидела Маркуса. Он держал в руках два бокала, один из которых поставил перед ней. Тёмно-янтарная жидкость блеснула в свете свечи. Элиана вопросительно туда посмотрела.

— Сидр, — сказал он негромко, наклонившись к её уху, чтобы не перекрикивать музыку. — Местный. Варят третьекурсники с инженерного. Не отравленный, насколько мне известно.

— Утешительно, — ответила Элиана, недоверчиво на него покосившись, но бокал взяла.

Маркус сделал глоток из своего и откинулся на стуле. Пламя свечи подрагивало между ними, и его лицо в этом колеблющемся свете выглядело иначе, чем при люминесцентных лампах медицинского корпуса: мягче, теплее и одновременно загадочнее, потому что тени скрывали его почти наполовину.

— Ты ещё таинственнее, чем я подумал при первой встрече, — мягко усмехнулся он.

Элиана повернула голову и посмотрела на него в упор.

— Мы не встречались раньше, — ответила она ровно. — И только что познакомились.

Маркус хмыкнул, на лице отразилось любопытство.

— Конечно. Элиана Таллис, юридический, первый курс, Резонат. Розы так сказала, и кто я такой, чтобы спорить. Вот только у меня неплохая память на лица, и мне кажется, что вчера я видел тебя у стенда с расписанием медицинского факультета, на втором этаже Нового корпуса. Куда, если я правильно помню, студентов с юридического не пускают. Да и Резонатов тоже.

Розы пела на сцене что-то медленное и печальное, и её голос обволакивал зал. Элиана сделала глоток сидра, пузырьки обожгли язык.

— У тебя богатое воображение, — пожала плечами она.

— Возможно. Зато отличная память на лица. Я сразу сказал, что точно тебя бы запомнил.

Элиана поставила бокал на стол и повернулась к нему всем корпусом, и их лица оказались ближе, чем она рассчитывала. Настолько, что она могла рассмотреть поры на его лице и ощутить терпкий запах парфюма.

— И что ты собираешься с этим делать? — спросила она тихо.

— Зависит от того, что ты мне расскажешь. Например: зачем Резонату с юридического расписание медицинского? Каким образом ты попала в корпус, куда пускают только по пропуску? Потому что на человека, оказавшегося там случайно, ты была совсем не похожа.

Элиана молчала, просчитывая варианты. Врать было бессмысленно, а говорить правду — немисливо. Оставался средний путь. Узкий, как лезвие, по которому она уже привыкла ходить.

— Мне интересна медицина, — сказала она наконец, выбирая слова с максимальной осторожностью. — Я хотела знать, что там преподают. Любопытство — ещё не преступление.

— Любопытство — нет. Но Розы только что сказала, что ты Резонат. Так что проникновение в закрытый корпус — это, как минимум, нарушение внутреннего регламента. А как максимум — административное правонарушение. Резонатам официально запрещён доступ в учебные помещения медицинского факультета без специального допуска. Статья двенадцать, если не ошибаюсь.

Элиана медленно поставила бокал на стол. Сидр качнулся, и янтарная поверхность подёрнулась рябью.

— Статья четырнадцать, — поправила она ровно.

— Тебе лучше знать, — пожал плечами Маркус. — Я всё-таки учусь на медицинском.

— Зато я на юридическом. И знаю Кодекс от первой до последней строчки.

— И всё равно его нарушаешь? — Маркус вскинул брови, глядя на неё с коварной ухмылкой.

— Такие обвинения требуют доказательств, — парировала Элиана. — Ты можешь доказать, что я была в вашем корпусе?

— Я видел тебя лично и сам печатал расписание.

— Моё слово против твоего. Без реальных улик никто даже слушать тебя не станет.

Маркус хмыкнул, и в его взгляде проступило что-то похожее на уважение.

— Я не собираюсь тебя выдавать, — шепнул он, приблизившись ещё и обдав тёплым дыханием её ухо, отчего по спине побежали мурашки.

Музыка на сцене сменилась: Роза начала новую песню, более быструю и ритмичную, многие начали подпевать или выходить на танцпол, и гул в зале усилился, создавая шумовую завесу, за которой можно говорить, не опасаясь быть услышанными. — Но теперь ты мне должна.

Элиана ощутила, как вдоль позвоночника пробежал холодок, а внутри поднялась волна раздражения. Он изящно и играючи загнал её в угол с улыбкой, от которой невозможно отвернуться.

— Допустим, — кивнула она сухо.

— Я могу показать тебе ту сторону университета, которая тебя так интересует, без необходимости протискиваться в боковую дверь.

Элиана уставилась на него.

— Ты знаешь про боковую дверь?

— Я работаю лаборантом и знаю про все двери. А ещё про камеру над тем входом, которая, к слову, работает, хотя многие думают, что нет.

Кровь отхлынула от лица. Камера. Она не заметила камеру.

— Так что формально у меня есть доказательства. Но тебе повезло, я всё ещё не собираюсь ими пользоваться, — он подмигнул ей, глядя с лукавыми искрами в глазах и ямочками на щеках, которые, как начинала подозревать Элиана, были его фирменным оружием. — Съёмка, кстати, хранится сорок восемь часов, а потом перезаписывается.

Элиана молчала. Внутри кипела злость на саму себя за промах, на Маркуса — за то, что он знал об этом, и на то, что она оказалась зависимой от человека, которого видела второй раз в жизни.

Он придвинулся чуть ближе. В желтом свете свечи его голубые глаза казались зеленоватыми.

— Воскресенье, шесть вечера. У фонтана во внутреннем дворе. Если хочешь, — он произнес это легко и небрежно, но Элиана чувствовала подводное течение в этих словах. Она терпеть не могла, когда кто-то пытался играть с ней по своим правилам.

— Звучит как шантаж и манипуляция.

— Но это приглашение, — поправил Маркус. Шантаж звучал бы иначе.

— И как же? — спросила она с вызовом.

— «Приходи, или я пойду к ректору». Но я этого не говорю. Я говорю: приходи, потому что тебе интересно. Разница существенна, — Маркус чуть наклонил голову и приподнял бровь, медленно обводя пальцем кромку бокала. Элиана смотрела на него, а он на нее. В пространстве, разделенном свечой и двумя бокалами сидра, висело невесомое напряжение.

— Ладно, — кивнула она наконец. Любопытство переплеталось с раздражением и с трезвым расчетом, который подсказывал: человек, имеющий доступ к медицинскому факультету, работающий лаборантом на кафедре и знающий здание изнутри, мог быть полезен.

— Одна встреча без обязательств. И это не свидание.

— Как скажешь, — он обворожительно улыбнулся, и её взгляд снова зацепился за ямочки на щеках. — Я даже не буду настаивать на улыбке, если так уж хочешь выглядеть неприступной.

Элиана открыла рот, чтобы ответить что-нибудь едкое, но музыка на сцене оборвалась, и зал взорвался аплодисментами. Розы кланялась, прижав ладони к груди, и даже в холодном свете софитов было видно, как горят её щёки. Чарли наслаждался вниманием, а Пол тихо и сосредоточенно хлопал.

Раскрасневшаяся и счастливая, Розы сбежала со сцены и подлетела к их столику, как тёплый тропический шторм.

— Ну как? Как вам? Было ужасно? Я на втором куплете забыла текст и импровизировала, вы заметили?

— Ты была идеальна, — сказал Пол, и это были первые слова, которые он произнёс за последние сорок минут.

— Спасибо, — мило улыбнулась та, но тут же переключила внимание на Чарли, который появился за её спиной.

— Пойдёмте на веранду, — предложил он. — Здесь дышать нечем, а наверху ещё тепло.

Иллюстрация к главе:

Глава 10. Фальшивая нота

Глава 10 ФАЛЬШИВАЯ НОТА

Рози и Чарли пошли к выходу первыми, а Пол следом за ними. Какая-то девушка выбежала из толпы с восторженным лицом и попросила у них автографы. Рози, просияв, расписалась в блокноте, а Чарли одарил её своей широкой улыбкой, и та, счастливая, убежала.

Пока Элиана убирала телефон в сумку, Маркус подхватил оба бокала с сидром и с улыбкой уточнил:

— Идём?

Она кивнула, стиснув зубы. Он вёл себя так, будто они уже парочка, хотя она всего лишь согласилась встретиться с ним под давлением.

Хорошо, что Рози этого не видела, иначе потом не избежать расспросов. Элиана уверенно направилась к выходу, пока Маркусу не пришла в голову ещё какая-нибудь глупость, вроде того, чтобы взять её за руку. Мысль об этом непрощено всплыла в голове и, как ни странно, не вызвала отвращения.

Веранда находилась на заднем дворе Часовни, огороженная низким каменным парапетом, за которым темнели кроны деревьев и мерцали далёкие огни корпусов. Вместо стульев здесь были потемневшие от времени деревянные паллеты, а вместо столов — массивные винные бочки. После подвальной духоты прохладный ночной воздух приятно освежал. Элиана вдохнула его полной грудью, ощущая, как напряжённые мышцы чуть расслабились, а головная боль притупилась.

Они заняли одну из бочек. Наверное, со стороны их маленькая компания выглядела как случайная мизансцена из университетской жизни, какой её рисуют на рекламных буклетах Веритаса: молодые люди, разговаривающие тёплым вечером на веранде под звёздами. Резонаты и Константы бок о бок — идеальная картинка интеграции.

Рози устроилась на парапете, свесив ноги и болтая ими в воздухе. Чарли встал рядом с ней, но не вплотную. Пол опустился на паллету, прислонившись спиной к колонне и держа стакан с водой обеими руками. Элиана заняла свободное место неподалёку, соблюдая комфортное расстояние. К счастью, здесь, в отличие от помещения внизу, это было возможно.

Маркус поставил перед ней бокал сидра и остановился чуть позади, наполовину скрытый в тени от навеса. Она обернулась и на секунду задержала взгляд на его профиле. Свет из подвальных окон клуба подсвечивал его снизу, и тени ложились на скулы жёстче и рельефнее, чем при свечах. Он, кажется, задумался о чём-то своём, но, ощутив её взгляд, вернулся в реальность и чуть улыбнулся.

Когда все устроились, Розы первой нарушила тишину, как делала довольно часто, потому что не выносила затянувшегося молчания.

— Вы слышали про инцидент на Ривер-стрит? — спросила она. Чуть охрипший после концерта голос резко стал серьёзнее. — Сегодня днём я видела в ленте.

Чарли повернулся к ней:

— Что на Ривер-стрит?

— Драка. Снова стычка между Резонатами и Константами. Кажется, есть пострадавшие. Кто-то снял на телефон, видео уже разлетелось.

Она достала смартфон, поводила пальцем по экрану и протянула Чарли. Тот посмотрел несколько секунд и передал дальше. Элиана увидела мерцающее видео, снятое трясущимися руками: толпа, крики, летящая бутылка, чей-то кулак, звук бьющегося стекла.

— Какой повод? — уточнила она.

— В том-то и дело, что, судя по всему, никакого, — Розы подтянула колени к груди и обхватила их руками. — Кто-то кого-то задел в очереди уличного кафе, и все словно сошли с ума. Началась массовая драка, полетели стулья, один попал в соседнюю витрину. Где-то пишут, что Резонат применил дар, другие — что ничего такого не было. Полиция приехала через пятнадцать минут, и к тому моменту там уже был десяток пострадавших.

Розы ненадолго замолчала и поёжилась, несмотря на тёплую ночь.

— Говорят, пятеро Констант сейчас в больнице, а Резонаты в изоляторе. К ним даже не допустили адвоката.

Элиана нахмурилась. Она перечитала подпись под видео в новостной ленте: «Инцидент на Ривер-стрит: очередная вспышка насилия между Резонатами и Константами. Власти призывают к спокойствию».

И всё же что-то здесь было не так. Люди не звереют в одну секунду из-за пролитого напитка.

— Самое мерзкое, что это опять станет поводом что-то запретить, — продолжила Розы тише. — Перед выходом я задержалась у экрана в холле. В новостях какой-то депутат из Комитета по Безопасности говорил, что нужно ужесточить контроль. Якобы нынешние меры недостаточны, и стоит пересмотреть условия регистрации и ввести дополнительные ограничения на перемещение Резонатов в общественных местах.

— Движемся в сторону инквизиции и скоро начнём носить блокирующие ошейники. — Элиана горько усмехнулась. Злиться было проще, чем признать, насколько беспомощной она себя чувствовала.

Она заметила, как пальцы Розы судорожно вцепились в край каменного парапета. От побелевших фаланг по шероховатой поверхности стремительно поползла тёмная паутина. Тонкие нити мицелия цеплялись за камень, забиваясь в мелкие трещины.

Розы резко втянула воздух и, бросив затравленный взгляд на отвернувшегося Чарли, торопливо стёрла пятно плесени длинным рукавом кардигана. Она тут же спрятала дрожащие кисти глубоко в складки шерстяной ткани, словно пытаясь исчезнуть.

Чарли мягко рассмеялся, и этот бархатистый снисходительный звук показался Элиане физически неприятным. Он приобнял Розы за плечи, и та сразу придвинулась ближе. Кажется, рядом с ним ей и правда становилось спокойнее.

— Да ладно вам, девчонки, не сгущайте краски. — Он одарил их обаятельной улыбкой, от которой у Розы предсказуемо дрогнули ресницы. — Всё нормально. Новости всегда раздувают скандалы ради рейтингов.

Он обвёл их всех взглядом, задержавшись чуть дольше на Розе, и как будто именно ей адресовал следующие слова:

— И потом, посмотрите на нас. Мы сидим здесь, отлично общаемся, и совершенно не важно, кто Констант, а кто нет. Важнее, какой ты человек. Вот и всё.

Слова прозвучали гладко и успокаивающе. В них сквозила наивная уверенность того, кому ни разу не приходилось сталкиваться с ограничениями из-за своего статуса. Элиана осознала, что горькая желчная реплика вертится на языке, готовая сорваться, однако не успела произнести ни слова, поскольку Маркус быстрым шагом подошёл ближе. Всё время до этого он молчал, сжав губы и скрестив руки на груди.

— Ладно, — сказал он громко, привлекая внимание всех. — Хватит про грустное. Розы, лучше расскажи, что за песню вы играли предпоследней. Ту, медленную. Это был не кавер. Твоего сочинения?

Розы просияла, и Элиана подумала, что Маркус выбрал единственную тему, способную переключить подругу мгновенно и целиком.

— Да! Я написала её летом. Текст мой, а мелодию мы с Чарли придумали вместе. Он предложил бридж в миноре, и я сначала сопротивлялась, потому что мне казалось, что это слишком грустно, но потом поняла, что он был прав. Ведь без этого перехода припев звучит не так эффектно...

Она говорила быстро, захлёбываясь словами, а руки рисовали в воздухе невидимые линии. Элиана подняла глаза на Маркуса с благодарностью, потому что без его вмешательства разговор грозил перейти в опасное русло. Он поймал её взгляд и коротко подмигнул. Чарли тем временем подхватил разговор о песнях, и вскоре веранда наполнилась смехом. А потом Розы начала напевать, остальные подхватили. Ветер разносил звук по веранде, а Элиана поймала себя на том, что даже рада сегодня оказаться здесь.

* * *

Они возвращались в общежитие в мягкой ночной тишине, которую можно было застать только в выходные, когда кампус вымирал и становился похож на заброшенный замок. Маркус жил в городе, поэтому ушёл первым, пути с Чарли и Полом разошлись на следующем перекрёстке, а потом Розы вызвалась проводить Элиану до корпуса. Судя по горящим глазам, ей явно не терпелось всё обсудить.

Воздух к полуночи окончательно остыл, оседая росой на коже. Элиана шла быстро, пряча озябшие руки в карманы пальто. Розы семенила рядом, то и дело забегая чуть вперёд и заглядывая ей в лицо.

— А ты обратила внимание, как Чарли на втором куплете незаметно перешёл в другую тональность? — тараторила Розы, размахивая руками так широко, что чуть не зацепила фонарный столб. — Мы это не репетировали, он просто почувствовал, что мне нужно больше пространства для высокой ноты. Не каждый гитарист так умеет, понимаешь? Тут нужны абсолютный слух и такая чуткость к партнёру по сцене...

— Розы, — Элиана сбавила шаг. — Ты ведь говоришь не только о музыке?

Та запнулась на полуслове, а потом коротко, рассеянно рассмеялась, пытаясь скрыть очевидное.

— Может быть, — призналась она и закусила нижнюю губу. — Ладно, да. Он мне нравится! Такой милый, правда?

Элиана на секунду задумалась, взвешивая всё, что знала о Чарли, на невидимых внутренних весах. Она вспомнила, как широко он улыбался всем вокруг и флиртовал с какими-то девушками, пока думал, что Рози этого не видит, как уверенно и небрежно обронил: «Совершенно не важно, кто Констант, а кто нет». Это были красивые и удобные слова того, кому никогда не приходилось скрывать часть своей сущности ради выживания.

— Он обаятельный, — признала Элиана осторожно. И это было правдой. Он действительно умел располагать к себе, используя улыбку как идеально настроенный инструмент, что отлично работало с большинством людей, но...

— Но? — Рози резко замерла и повернулась к ней. Зелёные глаза сощурились. — Я слышу твоё «но», Эли.

В повисшей тишине стало слышно, что в одном из корпусов скрипнула ставня.

— Никакого «но». Я с ним общалась двадцать минут. Этого недостаточно, чтобы судить.

— А Маркус? — внезапно спросила Рози с такой непосредственностью, что Элиана не сразу сообразила, к чему она ведёт. — Его ты тоже видела всего двадцать минут, а перемигивалась так, будто вела разговор, который понимаете только вы двое.

Элиана отчётливо ощутила, как по телу прокатилась горячая волна, и прибавила шаг.

— Я ни с кем не переглядывалась, — пробубнила она себе под нос.

— Эли, я сидела рядом и видела своими глазами, как ты на него смотрела. А он на тебя. Между вами было столько искр, что Пол мог бы запитать нашу микшерную консоль.

— Рози.

— Что? Я просто говорю то, что наблюдала сама. Он красивый, между прочим. И, кажется, умный. А ещё учился на медицинском, что, учитывая твои интересы...

— Он Констант, — строго перебила Элиана, явно давая понять, что хочет закрыть тему на замок. — Как и Чарли. И вообще, я не собираюсь обсуждать мальчиков, словно нам снова пятнадцать.

Рози вдруг споткнулась, словно налетев на невидимое препятствие.

— Ладно. — Она всплеснула руками и заговорила тише. — Не хочешь, не обсуждаем. Давай тогда про концерт, про новости. Или про расписание! У тебя ведь вся жизнь по расписанию.

Они около минуты шли в молчании, которое ощущалось физически неприятным и колючим, как наэлектризованная шерсть.

Элиана могла бы просто сменить тему. Эта мысль показалась заманчивой, но лишь на мгновение. Молча смотреть, как Рози снова несётся навстречу открытому огню, было выше её сил.

— Я не доверяю таким людям, как Чарли.

Рози повернулась к ней всем корпусом. Щёки, ещё пылавшие от послеконцертного жара, резко побледнели.

— Каким «таким»?

— Тем, кто красиво говорит правильные вещи в нужный момент. Кто обнимает тебя за плечи и говорит «не важно, кто ты», потому что и вправду не важно, но в другом смысле. Ему всё равно, ведь это его не касается. Он никогда не прятал ладони в рукава, ему не нужно было оттирать плесень с камня, пока никто не заметил. Он не сможет понять таких, как мы, Рози. Таким важна картинка, а не то, что под ней. И девушка, которая красиво поёт, а не та, которая...

Она оборвалась на полуслове и в наступившей паузе заметила, что Рози замерла, словно изваяние. Огромные глаза наполнились слезами.

— Которая что? — переспросила она шёпотом. — Давай, договори.

Элиана стиснула зубы, не желая продолжать фразу, потому что знала, как та прозвучит. Но Роза смотрела на неё в упор, а во взгляде уже читалась яростная, жгучая обида, какую доводилось видеть всего пару раз за дружбу.

— Ты думаешь, он не примет меня, — дрогнувшим голосом завершила она за Элиану. — Думаешь, увидит, что я выращиваю не цветы, а плесень, и отвернётся? Потому что это отвратительно... Потому что я отвратительна!

— Я этого не говорила.

— Ты сказала именно это, просто другими словами.

Они стояли посреди аллеи под фонарём, мигающим тусклой лампочкой. Его свет пульсировал, то заливая их жёлтым, то бросая в полумрак. Роза сжала пальцами длинные рукава кардигана и опустила руки по швам, будто удерживала себя от чего-то.

— Знаешь, из всей вашей компании мне больше всех приглянулся Пол, — произнесла Элиана буднично, надеясь сменить тему, и тут же пожалела об этом, потому что вышло так, будто она выбирала замену Чарли и уже нашла кандидата получше.

— Пол? — Роза уставилась на неё так растерянно, словно Элиана заговорила на чужом языке. — Пол милый, мы познакомились в том году на спецкурсе для Резонансов. Он мне как брат. Хороший, но...

— Но он тебе не брат, — резонно заметила Элиана. — С таким ты не обожжёшься.

— Нет, — голос Розы дрогнул, взлетев на октаву, и издал фальшивую ноту. В нём зазвенели слёзы. — Нет, ты просто снова хочешь всё контролировать, Эли! Всё и всех! Ты боишься открываться людям, везде видишь подвох и хочешь и меня затянуть в своё болото! Чарли красивый и весёлый. Он хорошо относится к Резонансам, но не знает, какой именно у меня дар, и я хочу, чтобы так и оставалось!

Она практически выкрикнула последние слова и резко развернулась. Элиана, сама того не желая, ткнула в её самую болезненную рану.

— Роза, я не это имела в виду...

— Именно это, — Роза отступила на шаг назад. По её щекам всё-таки потекли горячие, злые слёзы, и она наспех вытерла их рукавом кардигана так яростно, словно желала содрать с лица кожу.

— Ты всегда так делаешь! Находишь болезненное место и бьёшь точно в него, думая, что помогаешь.

Она развернулась и, почти срываясь на бег, пошла по аллее. Через несколько секунд её силуэт растворился за поворотом к Часовне.

Элиана сделала шаг следом, но остановилась. Грудь горела, будто ей снова не хватало воздуха, как на том перекрёстке, только теперь отнюдь не от потери энергии. Уязвлённая гордость приковала к месту, ведь она сказала правду. Зачем извиняться за то, что пытаешься защитить человека от неминуемого разочарования?

Элиана повернулась и медленно пошла к Третьему корпусу.

Иллюстрация к главе:

Глава 11. Споры

Дом Ривенов стоял на тихой улице в северной части Эшбриджа, зажатый между двумя такими же типовыми двухэтажными коробками из бурого кирпича. В длинном ряду одинаковых фасадов с ровными газонами и низкими заборчиками их дом отличался разве что чуть более облупленной краской на перилах крыльца и тем, что фонарь над входом горел вполнакала.

Маркус свернул с тротуара на подъездную дорожку в четверть первого ночи. Ботинки промокли от росы, пока он шёл по траве через парк. Каждый шаг теперь сопровождался тихим чавканьем, которое в ночной тишине звучало слишком громко. Он двигался по памяти, не глядя под ноги, потому что знал каждую трещину и каждую выбоину в асфальте этой дорожки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.